



ВЪ КАБИНЕТЪ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ — НА КЭ Д-ОРСЭ.

Министръ иностр. дѣлъ Ж. Боннэ принимаетъ у себя Леона Берара, предъ поѣздкой того къ ген. Франко съ чрезвычайной миссіей.



RESTAURANT "CHEZ KORNILOFF"

6, Rue d'ARMAILLE, prolongement av. Carnot.
Tél.: Eto. 52-49

Ф. Д. КОРНИЛОВЪ проситъ своихъ друзей и многоуважаемыхъ кліентовъ оказать ему вниманіе посѣщеніемъ его ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный пріемъ и изысканный столъ.

**РЕСТОРАНЪ
КОНДИТЕРСКАЯ**



ELYMAR
37, Rue MARBEUF

Дежурное блюдо 6.75

РЮМКА ВОДКИ 1 ФР. 50

БЛИНЫ. РАЗСОЛЬНИКЪ.

ШАШЛЫКЪ. СЫРНИКИ.

Большой выборъ ЗАКУСОКЪ.

THE COMPLET : 6 fr. 50.

P. M. Kousmichoff & Sons

75, av. Niel. Paris. 17^e (Tél.: CAR. 91-46)

Métro Pereire Autob. 92, U, S, CB, BD, 35, 36 et D.

LONDON E C 4
11, Queen Victoria st.
BERLIN
Sch. Reppigstrasse 26.

NEW-YORK
252-254 W. 55-th street
BELGRADE
Brijanova 7.

BRUXELLES
14, rue de l'Abbaye
GENEVE
2-bis, rue St-Léger.

ПОДАРКИ въ РОССІЮ

Наши цѣны на товары для отправки въ Россію, несмотря на общее вздорожаніе, остались такіе-же, какъ были полтора года тому назадъ. Въ нашихъ прейсъ-курантахъ объяснено, почему мы имѣемъ возможность, не измѣняя высокаго качества товара, держать цѣны безъ повышенія. Всѣ наши товары очень выгодны и интересны, какъ для заказчиковъ, такъ и для получателей. Для заказчиковъ, проживающихъ за-границей, наши цѣны сейчасъ обходятся на 25% дешевле, чѣмъ стоили полтора года назадъ.

Выписывайте наши прейсъ-куранты и образцы матерій.

„Кровочиститель АВРАНИНЪ“

ИНДИЙСКИЙ БАЛЬЗАМЪ Д. АВРАХОВА. Сущ. съ 1893 г. СПБ., Колокольная. 11. Экстрактъ цѣлебныхъ индійскихъ корней и травъ, соверш. очищаетъ кровь, обновляя и омолаживая орган., предохраняетъ его отъ преждевременной старости Индійскій бальзамъ испытанъ болѣе, чѣмъ 60-ти лѣтъ. практикой, вполне излѣчиваетъ въ крат. срокъ упорн. и неподдающ. медичинѣ болѣзни, какъ сифилисъ, во всѣхъ его стад. и со вс. послѣд.: сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал. Всѣ наклон. бол.: экзему, псоріазисъ, лихусть (волчанка), сикозъ, падушую болѣзнь (эпилепс.), туберкулезъ легкихъ и костей, малокровіе, половую и общую слабость, нервныя, желудочн. и кишечн. заболѣванія. Уже послѣ пріема первой же бутылки на 3-5-й день больной, измуч. болѣзн., чувствуетъ, какъ организмъ наполн. новыми силами и успокаивается нервн. сист., появл. аппетитъ и норм. сонъ. Объ излѣч. этихъ болѣзней имѣются десятки тысячъ нотаріальныхъ и письмен. благодарностей. Бальзамъ преміир. на европ. выст. и награжденъ пятью Grands Prix и семью бол. зол. мед. Требуйте брошюры на всѣхъ яз. Почт. расх. 2 франка. АВРАНИНЪ продается въ аптекахъ, или непосредственно обращаться по адресу: LABORATOIRE AVRANINE, 6, Rue Maublane. Paris (15^e). Métro: Vaugirard. Tél.: VAU 65-69. Лабораторія ищетъ представителей для продажи «Авранина» въ странахъ Южной Америки, въ Австраліи, Индіи и Канадѣ.

ИМПОРТНОЕ

Ф. И. Агѣевъ

6, RUE TIPHAIN (15^e).

Métro: La Motte-Picquet.

ЗЕМСКИЙ СОЮЗЪ

UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
и Общество Взаим. Кредита «UNION»

73, r. de la Victoire. Paris (9^e). Tri. 52-79

Размѣнъ и покупка ВАЛЮТЫ по наиб. выг. курсу. Всѣ банк. операціи. ПОСЫЛКИ и ден. перев. въ Россію и др. страны.

Автомобили въ кредитъ!!

200 машинъ отъ 3.500 до 30.000 франк. Citroën, Peugeot, Hotchkiss, Renault, Ford, Buick, Chrysler, Bugatti, Auburn, Packard.

Гарантія 3-6 мѣс. — Требуйте каталоги.

AUTOSPORT

48, Bd de la Somme, Gal. 84-10
M-ro P-te Champerret.

МАСТЕРСКАЯ МЕХАНИКИ и КАРОССЕ-РИ. ПРОДАЖА ГРУЗОВИКОВЪ.

68, Bd Bourdon, Neuilly. Mai. 98-58.

Кабинетъ П. П. Анненкова

16, rue de Gramont, Paris (2^e),

Tél. Rich. 81-83. M-ro Richelieu-Drouot

ПЕРЕВОДЫ, ПЕРЕПИСКА.

РОТАТОРН. РАБОТЫ.

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

разныхъ системъ русск. и иностр.

Прокать. Продажа. Починка.

Цѣны умѣренныя. Доставка въ провинціи

ФАБЕРЖЕ и Ко

23, rue Saulnier, 23, Paris (9^e).

Métro : Cadet. Tél. : Prov. 42.26.

БРИЛЛАНТЫ. ЖЕМЧУГЪ

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Покупка, продажа. Пріемъ на комиссію.

Исполненіе заказовъ.

Покупка издѣлій фирмы «К. ФАБЕРЖЕ».

ETS GUERCHMAN

PARIS, 6 RUE DE HANOVRE

Tél. Rich. 86-28.

M^{re} OPERA et 4 SEPTEMBRE.

Во дворѣ, 3-й этажъ, лифтъ

ЕЖЕДНЕВНО 9-18 и въ суб. 9-12 ч.

Продажа въ розницу

въ оптовомъ складѣ

Русское столовое и постельное бѣлье

ручной работы изъ чистаго льняного полотна

Оренбургскіе платки — бѣлые и коричневыя.

ТОРТЫ ИВАНОВСКІЕ

Ватрушки, кулебяки, пирожки, крендели,
леченье и пр.

КОНДИТЕРЪ

Ф. И. ТЕПЛОВЪ

Доставка на домъ.

81, rue de la Faisanderie. Paris (16^e).

Tél. : TRO 52-68.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе въ «Иллюстрированной Россіи», позвоните по телефону: БАЛЬЗАКЪ 19-52 и къ вамъ немедленно явится агентъ отдѣла объявленій.

Контора «Илл. Россія» просит г. г. подписчиковъ съ разсрочкой платежа, срокъ подписки которыхъ истекаетъ 1 марта, озаботиться уплатой послѣдняго очередного взноса, во избѣжаніе перерыва въ посылкѣ журнала.

Георгій ЕВАНГУЛОВЪ

УКРОТИТЕЛЬ

Р а з с к а з ь

I.

Моимъ сосѣдомъ по койкѣ въ ницкомъ госпиталѣ «Сэнъ Рокъ», гдѣ я залѣчивалъ ушибленную ногу, былъ американскій гражданинъ Филиппъ Мэтсъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ бронзовымъ лицомъ и коротко подстриженными сѣдѣющими волосами.

Наряду съ физическими мученіями (какъ я узналъ потомъ — у него вскрылась старая рана — слѣдствіе вывиха берцовой кости) онъ, безъ сомнѣнія, страдалъ оттого, что не съ кѣмъ было разговаривать. По французски онъ изъяснялся съ трудомъ; я умудрился составлять англійскія фразы изъ тѣхъ пятнадцати — двадцати словъ, которыя я зналъ — поэтому ничего не было удивительнаго въ томъ, что послѣ перваго знакомства, исчерпавъ быстро запасы словъ — мы замолчали, почти съ ненавистью поглядывая другъ на друга.

Его перетянутое страданіями лицо (концы плотно сжатыхъ губъ неестественно загибались кверху, отчего казалось, что онъ улыбался) успокаивалось только къ вечеру, послѣ ужина, когда тушился свѣтъ и единственная синяя лампочка гипнотически навѣвала сонъ. Онъ засыпалъ, и его страшная улыбка разсѣивалась, пропадала, какъ въ пустынѣ слѣдъ, занесенный вѣтромъ, хотя лицо и не приобретало того безучастнаго выраженія, какое бываетъ у спящихъ. Если бы не закрытыя вѣки, можно было подумать, что этотъ человѣкъ смотритъ и наблюдаетъ.

Въ госпиталяхъ больные относятся другъ къ другу съ неприязнью, граничащей со враждебностью. Я это испыталъ и на себѣ. Но къ этому смуглому американцу меня влекло. Что-то было въ его взглядѣ покоряющее; большая внутренняя сила чувствовалась въ изогнутой складкѣ его губъ, даже въ поворотѣ головы, которую онъ рѣзко вскидывалъ, когда кто — нибудь входилъ въ палату. Его никто не навѣшалъ, но въ приемные часы имъ овладало волненіе страннаго свойства: его лицо успокаивалось, онъ замиралъ, вытянувшись во весь свой огромный ростъ — онъ ждалъ кого — то, кто не приходилъ.

И вотъ однажды ночью я услышалъ, какъ американецъ Филиппъ Мэтсъ бормоталъ во снѣ:

— Муся! — бредилъ онъ, — охъ, Муся!..

Я прислушался, и замеръ отъ неожиданно сти.. Казалось вотъ — вотъ онъ заговорить по русски. Я тихо позвалъ:

— Алло Филиппъ!

Онъ тотчасъ же проснулся.

— Муся! — шопотомъ сказалъ я.

Онъ смотрѣлъ на меня непонимающими глазами. Синяя лампочка лила свой спокойный свѣтъ — все въ палатѣ было бѣло — синимъ, бѣлая покрывала блестяли, какъ снѣгъ подъ луной.

— Откуда вы знаете это имя? Я говорилъ во снѣ?

— Скажите, а вы не русскі? — по русски же сказалъ я.

Отвѣтомъ былъ радостный крикъ, разбудившій нѣсколькихъ больныхъ.

— Русскій! — захлебываясь, говорилъ онъ. — Но какъ я, старый дуракъ, не спросилъ васъ.. Миѣ въ голову не приходило, — имя ваше — не русское.

— Да и ваше — никакъ не русское.

— Меня зовутъ Филиппъ Меченовскій, а Мэтчемъ меня окрестилъ мой «мэнаджеръ», еще съ Россіи.. Я — борецъ, чемпионъ Калуги.. тамъ у насъ люди рослые, богатыри.. А вы — то, вы то — ну что вамъ стоило раньше сказать — времени то сколько зря пропало, стосковался, изнылъ... а тутъ русскій человѣкъ рядомъ, вотъ жизнь то!.. А скажите я во снѣ ничего такого не говорилъ?

— Одно имя только и разспышалъ: Муся. Больше ничего!

Нѣсколько больныхъ одновременно зашептали на насъ.

— Это отъ зависти, — пояснилъ американецъ, — самимъ нечего рассказать, и другимъ не дадутъ! Ну, не буду, не буду.. Завтра поговоримъ. Спокойной ночи!.. Смѣшно! Гудъ — бай!

Американецъ прикрылся одеяломъ до подбородка и тотчасъ же уснулъ. Я послѣдовалъ его примѣру.

II.

Я проснулся утромъ съ радостной мыслью, услышать интересную исторію. Человѣкъ, молчавшій шесть дней кряду, непременно заговоритъ. Но мой соотечественникъ снова замкнулся въ себя.

Въ 11 часовъ во время обхода больныхъ старшій врачъ показалъ «американцу» радиогрифическій снимокъ съ его руки, прибавивъ, что необходимо хирургическое вмѣшательство: операция назначена на завтра.

Лицо американца помрачнѣло.

— Но зато кончатся ваши страданія, — пояснилъ докторъ.

— Что это онъ сказалъ про страданія? — обратился больной ко мнѣ.

Я перевелъ.

— Но, вѣдь, страданія кончаются, когда человѣкъ умираетъ! — серьезно сказалъ онъ: что же это докторъ, зарѣзать меня собирается?

Едва только докторъ со свитой сестеръ и практикующихъ студентовъ покинулъ палату, больной попросилъ сидѣлку принести письменныя принадлежности.

Американецъ писалъ вплоть до обѣда. Я не мѣшалъ ему. Окончивъ письмо, онъ попросилъ ту же сидѣлку немедленно сдать письмо на почту. И съ облегченнымъ видомъ принялся за только что принесенную фду.

Послѣ обѣда онъ обратился ко мнѣ:

— Сколько времени намъ предстоитъ еще отлеживаться въ этомъ ужасномъ учрежденіи?

— Съ недѣлю, должно быть.

— Такъ! А у меня къ вамъ просьба. Меня завтра оперируютъ. Операция пустяшная, но никогда не извѣстно, чѣмъ это все можетъ кончиться. Меня оперировали дважды и, каждый разъ при накладываніи на меня маски съ эфиромъ у меня бывало ощущеніе.. какъ бы это выразиться?.. ощущеніе привода въ первую ступень смерти, мгновенное прекращеніе связи съ окружающимъ міромъ.. Такъ вотъ. Я только что написалъ письмо своей женѣ.. она сейчасъ въ Каннахъ..

— Это и есть Муся? — перебилъ я его.

— Да. Я сообщилъ ей, что операция назначена черезъ четыре дня. Это для того, что если она соизволитъ меня навѣстить, то я буду уже на пути къ выздоровленію, — будемъ надѣяться! Но если — понимаете сами, все можетъ случиться — къ ея приходу меня уже здѣсь не будетъ, то прошу васъ — не удивляйтесь! — навѣстить ее и передать ей на словахъ, что я ее не простилъ.. нѣтъ, нѣтъ, пусть она знаетъ, что я ее прокиваю! Вы можете подумать, — да и думайте на здоровье! — какой я жестокий человѣкъ, и въ особенности, какъ я могу быть такимъ теперь, когда я самъ заговорилъ о возможности фатальнаго конца, но вы должны знать, какое это невыносимое, дѣйствительно, жестокосердечное существо, — эта женщина,

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАБОСТЬ
Скорѣе ДЕШЬЕНЪ на гемоглобинѣ

которой я отдал двѣнадцать лѣтъ своей жизни, которая разоряла меня и тогда ухлила, потомъ снова возвращалась...

Мы съ вами врядъ ли еще когда нибудь встрѣтимся, поэтому все, что я расскажу вамъ, — останется въ вашей памяти, какъ любопытный эпизодъ изъ чужой жизни. Вы, должно быть, по русской привычкѣ, не удержитесь и расскажете обо мнѣ первому встрѣчному, но мнѣ — все равно теперь. Мнѣ нужно вырвать ее изъ своего сердца, тогда мнѣ будетъ легче, я знаю... Каждое сильное переживаніе имѣетъ опредѣленный физическій вѣсъ, и когда оно становится достояніемъ другихъ, оно меньше вѣситъ — это извѣстно всѣмъ.

Какая это была красавица! Была! Да теперь она можетъ быть и еще лучше! Вы представляете? Дѣвочка шестнадцати лѣтъ является за кулисы къ борцу, который вдвое старше ея. Это было въ циркѣ «Бюфалло» въ Манчестерѣ. Я только что одержалъ побѣду надъ знаменитымъ чемпиономъ Австраліи Джономъ Паркеромъ... Въ тѣ времена классическая борьба доживала послѣдніе дни, уступая мѣсто боксу, какъ нѣмой фильмъ уступилъ — говорящему. Борьба казалась прѣсной, людямъ нужно было видѣть, какъ льется кровь изъ ушей, какъ отъ звѣрскаго удара человѣкъ теряетъ сознание... Борьба еще сохранила слѣды искусства и ловкости — это все-таки спортъ! — въ то время, какъ боксъ былъ ничѣмъ не прикрытымъ грубымъ побоншемъ. И вотъ, когда въ моей ложѣ въ толпѣ поклонницъ появилась щупленькая дѣвочка, которую никто изъ взрослыхъ не сопровождалъ, дѣвочка съ большими голубыми, воздушнаго оттѣнка, почти прозрачными глазами, смотрящими не на тебя, а сквозь тебя... то я, конечно, потерялъ голову. Нѣтъ, я даже не влюбился въ нее. Мнѣ стало ее безконечно жаль, самъ не знаю — отчего. А когда узналъ, что она русская и балерина и живетъ на средства тетקי, отъ которой хочетъ вырваться, я понялъ, что она идетъ на гибель, ища спасенія у меня. И я далъ себѣ слово — не притрагиваться къ ней. Балериной — къ слову сказать — она была не важной — балетъ ее интересовалъ, какъ и многихъ молодыхъ дѣвушекъ только съ точки зрѣнія возможнаго устройства въ жизни — вы понимаете? — и я отдалъ ее на ученіе въ балетную школу, лишивъ ее этимъ небольшого заработка... Ну, конечно, я возмѣщалъ ей этотъ заработокъ, платилъ за нее... Однимъ словомъ, въ продолженіе года я содержалъ ее, не донскиваясь ея взаимности. Охотно принимая мои подарки (какъ это тогда я ничего не замѣтилъ!) она сопровождала меня по ночнымъ ресторанамъ и русскимъ кабаре, явно давая понять окружающимъ, что я — ея любовникъ.

Ей льстило мое общество — и тѣмъ охотнѣе за ней приволакивались разные молодые люди въ безукоризненныхъ смокингахъ. Тогда я рѣшилъ жениться на ней. Такъ было чище, да и, кроме того, такимъ образомъ я всецѣло бралъ ея жизнь подъ свою ответственность. Какъ она была счастлива — помню — когда передъ свадьбой закатала себѣ парижскіе туалеты! Въ газетахъ помѣстили наши фотографіи, — она радовалась какъ ребенокъ! Послѣ замужества она окончательно забросила балетъ и начала увлекаться циркомъ. Ея мечтой было, сдѣлаться цирковой наѣздницей. Она заказала себѣ чешуйчатое, въ блескахъ платье и благодаря моимъ связямъ, поступила для начала въ провинціальный циркъ... Я не долженъ былъ отпускать ее,

Понялъ я это потомъ, когда послѣ двухмѣсячнаго дебюта она бросила меня, предварительно получивъ отъ меня крупную сумму денегъ на туалеты и покупку автомобиля. Долго рассказывать, какъ это случилось... Я ей простилъ тогда. Она вернулась. Но въ это время со мной случилось несчастье, положившее конецъ моей карьерѣ. Въ очередной борьбѣ мой противникъ — тяжеловѣсъ Максъ Гримъ — сломалъ мнѣ руку.

Это было въ глухомъ рабочемъ городишкѣ. Мнѣ наскоро вправили кость. Я уже думалъ, что спасенъ, какъ черезъ недѣлю рука начала пухнуть и намъ спѣшно пришлось переѣхать въ Нью-Йоркъ, гдѣ я подвергся первой операциі. Руку залѣчили, но владѣть ею, какъ борецъ, я уже не могъ. Мнѣ грозила нищета и я впалъ въ отчаяніе, когда знакомый директоръ цирка предложилъ мнѣ стать укротителемъ. Онъ увѣрялъ меня, что для этого достаточно имѣть и одну здоровую руку. Онъ рисовалъ мнѣ заманчивыя перспективы: на афишахъ — мой поясной портретъ въ курткѣ съ пустымъ рукавомъ, рядомъ съ бенгальскимъ тигромъ... Это привлечетъ публику... а о томъ, рѣшусь ли я стать укротителемъ — онъ заботился мало; онъ даже не спрашивалъ меня, полагая, очевидно, что когда платятъ хорошо, то человѣкъ всему научается. И это, доложу вамъ, вѣрно.

Однимъ словомъ, послѣ двухнедѣльной подготовки я сталъ укротителемъ. Впрочемъ, «подготовки» въ этомъ ремеслѣ не бываетъ: первый практический урокъ рискуетъ стать послѣднимъ. Укротительство — ремесло, къ которому надо приготовить психически, я не умѣю этого объяснить... Конечно, не заработокъ толкалъ меня принять это предложеніе: я могъ поступить на какую угодно другую службу. Но Муся — развѣ она примирилась бы быть женой какого нибудь завѣдующаго гаражемъ или бакалейщика? Такимъ образомъ, психически я былъ подготовленъ: смѣсь отчаянія съ жаждой риска, желаніе во что бы то ни стало удержать Мусю, которую мое новое ремесло восхитило сразу... Кроме того, въ этомъ ремеслѣ нѣтъ общихъ правилъ: у cadaго укротителя есть свои секреты, свои приемы. Мой учитель, напри- мѣръ, совѣтовалъ обмазываться каломъ того звѣря, въ клѣтку котораго входишь: это, якобы, заранѣе располагаетъ звѣря къ укротителю...

Для начала мнѣ дали хорошо выдрессированную львицу, по прозвищу «Маркиза», потерявшую на старости лѣтъ аппетитъ, и поэтому менѣе кровожадную. У «Маркизы», кроме того, были больные, красные, на видъ страшные глаза. Слабое зрѣніе тоже, по увѣренію знатоковъ, задерживаетъ нападательный инстинктъ хищника. Однимъ словомъ, мнѣ предстояло войти въ клѣтку невиннаго ягненка — такъ хоромъ увѣряли меня директоръ со старымъ укротителемъ, хотя эти увѣренія не соответствовали тѣмъ предосторожностямъ, которыя были предприняты на всякій случай. Клѣтка была окружена четырьмя молодцами съ накаленными до-красна жезлами.

Я хорошо помню этотъ день. Муся съ восторженными глазами, кутаясь въ мѣховое манто, подбадривала меня своихъ тихихъ горловымъ смѣхомъ. «Ну и пахнешь же ты, — говорила она, — духи а ла Маркизъ».

Съ грохотомъ раскрылись двойныя внутреннія дверцы клѣтки. Быстрыми энергичными шагами, держа надъ головой бичъ, я пошелъ прямо на «Маркизу» (что должно было означать мое превосходство надъ ея си-

лой), потомъ отступилъ на два шага и, не выпуская бича, выдвинулъ на середину клѣтки высокій — въ человѣчскій ростъ — табуретъ, и щелкнулъ бичомъ. Львица усталой походкой подошла къ табурету и, пристѣвъ на мгновеніе, вдругъ всѣми четырьмя лапами эластично вскочила на его сидѣнье, благодушно помахивая хвостомъ и поворачивая изъ стороны въ сторону свою большую голову, щурясь и облизываясь... Этотъ прыжокъ, заставившій меня вздрогнуть и внутренне задрожать отъ отвратительно пахнущаго дыханія звѣря, былъ тѣмъ первымъ крещеніемъ — или страхомъ, когда страхъ внезапно вырастаетъ въ могущественное, почти сладкое чувство настоящаго мужества. Я внезапно нашелъ себя. Мои движенія стали эластичными, какъ движенія львицы, зрѣніе — до того напряженнымъ, что я напередъ угадывалъ каждое ея движеніе. Я щелкалъ бичомъ, подставлялъ «Маркизѣ» табуреты, «Маркиза» прыгала, музыка играла, переходя иногда въ барабанный бой, вспыхивалъ магній... Когда я вышелъ изъ клѣтки, всѣ бросились мнѣ на шею. Я сталъ укротителемъ.

И вотъ настала для меня новая, полная азарта, жизнь. Это ощущеніе, передъ вхожденіемъ въ клѣтку, я сравнилъ бы съ чувствомъ игрока, идущаго съ крупной суммой денегъ въ игорный домъ... Конечно, послѣ «Маркизы» были и другіе звѣри: «Мэри», «Индефризабль», «Кукарача», былъ бенгальскій тигръ «Рудольфъ Валентино» — за десять лѣтъ прошло ихъ не мало! Мнѣ везло, я былъ раненъ всего три раза, моя рука уже не перегибалась въ локтѣ. На плечѣ — у меня три зубца отъ «Валентино», но эти раны, повѣрьте, были пустячными въ сравненіи съ тѣми мученіями, которыя доставляла мнѣ Муся. Мы жили скромно, а у Муси попрежнему были шикарныя туалеты, она была окружена поклонниками. И среди нихъ былъ всегда тотъ очередной возможный соперникъ, который могъ отнять ее у меня въ то время, какъ я, въ кожаной своей ковбойской одеждѣ, въ ботфортахъ, съ краснымъ платкомъ на шеѣ «работоръ» со своими львицами.

Нерѣдко во время представленія какого нибудь «номера» въ какую-то полусекунду, сквозь прутья клѣтки, я успѣвалъ не только отыскать ея лицо въ толпѣ зрителей, но и охватывать и запоминать выраженіе его, въ особенности ту характерную ужимку ея глазъ, когда она капризничала, иногда такъ и застывая, какъ ребенокъ, съ этой гримаской.

Много разъ я возвращался домой одинъ, зеленый отъ бѣшенства и сомнѣнія — куда это она исчезала незадолго до окончанія представленія? Но когда она возвращалась и, зажигая свѣтъ въ гостиной, бросала на-лету сумочку на диванъ, заранѣе прицѣливаясь, чтобы попасть въ самый уголокъ, когда я видѣлъ эту самую ужимку улыбающихся глазъ — бѣшенство мое пропадало, проваливалось, какъ кусокъ желѣза, брошенный на пуховикъ. Я мѣнялъ выраженіе своего лица, чтобы она — Боже сохрани! — ничего не замѣтила и смотрѣла попрежнему этими насмѣшливыми, мимо скользящими глазами... Въ эти минуты укротитель въ клѣткѣ львицы самъ превращался въ укрощаемаго. И я ненавидѣлъ себя въ эти мгновенія.

Потомъ пошло хуже. У нея появились брилліанты, якобы купленные за безцѣнокъ. Я вѣрилъ, потому что иначе не могъ, потому что, не повѣривъ, я долженъ былъ немедленно бросить ее.

Развязка наступила скоро.



— Есть замѣчательное дѣло: надо открыть испанскій ресторанъ съ ихъ національными блюдами.

— Чепуха! Вѣдь, бѣжали не націоналисты.



— Вы не знаете, какъ по-испански «переводчикъ»?

— Зачѣмъ вамъ?

— Я хочу предложить тутъ одному испанцу свои услуги въ качествѣ переводчика.



— Когда - то и мы мѣняли валюту... Теперь мы мѣняемъ только картъ д-идантиѣ.



— Ну, вы видѣли уже хоть одну испанку?

— Видѣлъ... Только это было тогда, когда испанкой назывался гриппъ.



— Здѣсь одинъ испанецъ продаетъ замѣчательную старинную картину.

— Чью?

— Онъ увѣряетъ, что она его собственная.



— Сколько вы даете за эти 50 пезетъ?

— Пятьдесятъ керенскихъ.

Однажды, вернувшись домой, я нашел на столѣ письмо. Она писала, что бросает меня навсегда и просит не разыскивать.

Отчаянію моему не было предѣла. Я обратился въ сыскное бюро — въ одно, въ другое, сорилъ деньгами и, наконецъ, слѣды нашлись. Оказалось — уѣхала въ Парижъ, на выставку. Что я долженъ былъ дѣлать? Денегъ у меня были, но разорвать контракта я не могъ: большой денежный штрафъ могъ разорить меня. Вы представляете — въ какомъ состояніи я входилъ въ клѣтку со звѣрями? Я уже ничего не боялся. Я осмѣлѣлъ до того, что публика неистовствовала — это былъ сплошной триумфъ. И вдругъ — каблограмма изъ Канинъ: просить прощенія и... денегъ на возвращеніе. Я немедленно послалъ чекъ и прождалъ мѣсяцъ. Отъ нея — ни звука. Тогда я сѣлъ на пароходъ и пріѣхалъ сюда. Съ парохода на такси осправился въ гостиницу «Мирамаръ», почти не надѣясь ее застать. Спрашиваю въ конторѣ: «Да, еще не уѣхала, а кто спрашиваетъ?». Говорю — ювелиръ, пришелъ съ коллекціей. Протелефонировали ей, а меня попросили подождать въ «холлѣ». Я ждалъ полчаса — дѣло было утромъ — и вотъ она появилась на лѣстницѣ въ сопровожденіи элегантнаго господина, обращеніе котораго съ ней не оставляло ни малѣйшихъ сомнѣній въ характерѣ ихъ отношеній. Я быстро подошелъ къ нимъ и, не помня себя, ударилъ по лицу этого господина. Схватившись за щеку, онъ выхватилъ револьверъ, но выстрѣлить не осмѣлился. На поднятый его крикъ сбѣжались лакеи, ловко оттѣснили меня. Я вступилъ было съ ними въ борьбу, какъ внезапно почувствовалъ нестерпимую боль въ рукѣ, будто что-то хрустнуло внутри.

Потерявъ сознание, меня отвезли въ канинскій городской госпиталь, откуда перевели сюда, на случай хирургическаго вмѣшательства. Какъ вы знаете — вмѣшательство произойдетъ завтра, а чѣмъ оно кончится — ни я, ни вы еще не можемъ знать. Американскій консулъ въ курсѣ моихъ дѣлъ. Но онъ не знаетъ всего того, что я только что рассказалъ вамъ. Если она не застанетъ меня здѣсь, вы будете единственнымъ человѣкомъ, который сможетъ смутить, разстроитъ ее счастливое беззаботное существованіе, на которое она надѣется, быть можетъ... Поэтому то я и прошу васъ непременно сказать ей все, что я думаю о ней, что она — недостойная меня, жестокосердная женщина, которую я ненавижу теперь...».

Вдругъ онъ замолкъ и, приподнявъ голову, прислушался. За стеклянной дверью палаты послышались голоса. Внезапно дверь распахнулась и въ палату, удерживаемая сидѣлками, вошла элегантная женщина, остановилась, осмотрѣлась и быстрыми шагами, направилась къ намъ.

— Муся! — вздрогнувъ, крикнулъ американецъ.

— Дуракъ ты мой, Филиппъ! Ничего не сообщилъ! Я, вѣдь, по телефону каждый день справлялась, только что узнала, что операция завтра.

Она скинула съ себя соболей воротникъ, бросивъ его на одѣяло больного, нагнулась, осыпая поцѣлуями застывшаго отъ неожиданности Филиппа, распространяя вокругъ себя рѣзкій ароматъ духовъ. Длинные кудри упали ему на лицо.

— Я говорила съ профессоромъ Миснэ, — щебетала она, — это онъ будетъ оперировать тебя. Филиппушка, увидишь все будетъ хорошо! Ты вылѣчишься — и мы немедленно вернемся въ Америку! Я обещаю, что те-

Нашъ побѣгъ изъ сов. Россіи

Воспоминанія Иларіи Амфитеатровой

(къ годовщинѣ кончины А. В. АМФИТЕАТРОВА, 26 ФЕВРАЛЯ).

Я стою, какъ всегда, на безсмѣнномъ дежурствѣ передъ «буржуйкой»: въ одной рукѣ у меня ложка, въ другой палочка, — необходимый инструментъ для открыванія и закрыванія ея хлипкой дверцы и для заталкиванія внутрь крошечныхъ полѣшекъ, грудой наваленныхъ и на столѣ, рядомъ съ буржуйкою, и на полу вокругъ него. Это — все — труды сыновей. Каждый день, по возвращеніи изъ консерваторіи, принимаются они за пиленіе и колку дровъ и за тасканіе бревенъ съ разрушаемыхъ домовъ (съ дозволенія начальства) и съ набережной, когда стемнѣетъ (нелегально).

Наша вульгарная буржуйка, — трепещущее, пламенное и гудящее существо, — яркій символъ нашего собственнаго подсовѣтскаго бытія, трепетнаго и полнаго внутреннимъ горѣніемъ и стономъ. Она соединена трубою съ великолѣпнымъ старымъ лѣпнымъ каминомъ и стоитъ между нашею собственностью — дорогимъ «бывшимъ» роялемъ и хозяйскимъ... билліардомъ. Да, да, вѣдь, это бывшая билліардная чудесной барской квартиры, въ которой мы занимаемъ ея заднюю часть. Она вытянута амфиладой вдоль перваго (русскаго) этажа, выходящаго окнами на унылый пустынный дворъ, съ помойной ямой посрединѣ.

Этотъ злополучный билліардъ, задвинутый въ уголъ, мѣшаетъ намъ ужасно. А кромѣ того, — сознаваться, такъ сознаваться, — раздражаетъ насъ видъ зря пропадающаго великолѣпнаго топлива. Нѣтъ - нѣтъ, да и примѣрнись: эхъ, сколько бы тутъ полѣшекъ вышло! да какихъ! дубовыхъ, выдержанныхъ!

Нерѣдко случается, что полѣшки на столѣ вокругъ буржуйки, перегрѣвшись, начинаютъ пылать съ нею за компанію. Тутъ ужъ она принимается гудѣть и сотрясаться всѣмъ своимъ ветхимъ красно - зеленымъ корпусомъ, состряпаннымъ на скорую руку изъ чьей то преждевременно погибшей крыши.

Въ узкой комнаткѣ, рядомъ съ нашей залостолово - кухне - приѣмной, помѣщаются наши четырнадцатилѣтніе сыновья - близнецы. Тамъ сейчасъ Максимъ усердно зудитъ на віолончели новую вещь для завтрашняго концерта, а Романъ лежитъ въ жесточайшемъ припадкѣ суставнаго ревматизма. За этой комнаткою — кабинетъ мужа. Большая, унылая комната, съ письменнымъ столомъ у ок-

перъ все, все будетъ хорошо. Дурачокъ ты мой! Ну, что ты молчишь? Небритый, фу! Ну дай я тебя поцѣлую — сюда!

Она отвернула ему воротъ сорочки, обнаживъ плечо, и я увидѣлъ три красныхъ рубца съ зазубринками точно три стрѣлы. Его рука нѣжно поглаживала по ея волосамъ — и вдругъ все тѣло его задергалось: громкія рыданія, взбудораживъ больныхъ, огласили палату.

Укротитель былъ снова укрошенъ...

Георгій Евангуловъ.

на, кроватью старшаго сына за ширмою и огромной печью, въ углу. Ею завѣдуетъ Александръ Валентиновичъ. Ежедневно онъ по долгу, усердно, но бездарно ее растапливаетъ, сопровождая раздуванье ея какимъ то необыкновенно грустнымъ свистомъ, отъ котораго мнѣ и дѣтямъ дѣлается одновременно и смѣшно, и грустно за нашего бѣднаго неудалаго труженика. Обыкновенно раздается возгласъ:

— Пусти, папикъ бѣдный, я сдѣлаю.

За кабинетомъ наша крошечная спальня, а дальше — ванна, въ которой я, не менѣе бездарно, пытаюсь стирать бѣлье, а чаще всего отмываю сколько-нибудь съѣдобныя части вонючей мерзлой картошки, а то полощу отвратительно синіе трупики зайцевъ, чрезвычайно похожихъ на мерзлыхъ младенцевъ, въ особенности, когда возьмешь ихъ подъ мышки. И все это въ ледяной водѣ.

Я стою передъ буржуйкой и прислушиваюсь къ игрѣ Максима. Онъ очень гордъ: не только тѣмъ, что выступаетъ въ Дворянскомъ собраніи, аккомпанируя мелодекламации Максимова, но и тѣмъ, что получить за это... миллионъ.

По коридору, ведущему въ нашу квартиру, слышится спѣшныя шаги. Дверь широко распахивается. Это старшій сынъ. Данила, котораго мы поджидаемъ съ важными вѣстями. Онъ выразительно взглядываетъ на меня и прямо проходитъ въ комнату братьевъ.

— Максимъ, убирайся ка отсюда! — командуетъ онъ. — Мнѣ надо поговорить съ папой и мамой. Ну, живо, живо, безъ разговоровъ!

Максимъ, ворча и негодуя, бережно укладываетъ віолончель на кровать и уходитъ. Данила, вызвавъ отца, закрываетъ дверь къ Реману, бѣжитъ къ входной двери, распахиваетъ ее, — нѣтъ ли, часомъ, кого за нею, — и подходитъ къ намъ, стоящимъ возлѣ буржуйки, со словами:

— Мы должны бѣжать послѣзавтра.

Насъ даже отшатываетъ. Мы смотримъ на него, какъ на безумнаго.

— Послѣзавтра?! Богъ съ тобой!.. Развѣ это мыслимо такъ сразу? Надо же собраться, сообразить... А рукописи папины? А книги? Наконецъ, рояль! Неужели такъ и бросить?... — говоримъ мы въ перебивку.

— Ну, разумѣется, бросить! — отвѣчаетъ сынъ. — А собраться долго ли намъ? Что у насъ есть? Да и изъ того надо захватить только самое необходимое: то, что можно унести каждому за плечами.

— Не забывай Максиму виолончель, — напоминаю я, — онъ ея не броситъ ни въ какомъ случаѣ.

— Не забывай моихъ рукописей и двухъ-трехъ книгъ, безъ которыхъ я уйти никакъ не могу, — добавляетъ мужъ.

— Вотъ. И не забывайте также, что Романъ у насъ совсѣмъ обезножилъ и мнѣ придется тащить его на рукахъ. Это все только подтверждаетъ мои слова: намъ можно взять съ собою сушіе пустяки. Одну смѣну бѣлья

каждому, да немножко провіанта — вотъ и все.

Мы стоимъ всѣ трое возлѣ пышущей огнемъ и гудящей буржуйки и шепчемся. Наши съ мужемъ глаза встревожены и безрадостны. Данилины полны энергіи и — сказала бы я — экстаза. Принципіально то у насъ побѣга давно рѣшено, но вотъ сейчасъ, когда выполнение его подошло такъ неожиданно вплотную, мы съ мужемъ чувствуемъ себя совершенно растерянными. Мы опустились одичали. Мы разучились даже смѣяться. Это то, что я, быть можетъ меньше всего способна простить большевикамъ. Тяжкое преступленіе — отнять у человѣка смѣхъ. А какъ мы любили и умѣли прежде смѣяться!.. Ослабѣла у насъ активная воля сопротивленія, а съ пассивною что предпримешь?

И вотъ сейчасъ мы не знаемъ, достанетъ ли у насъ силъ встряхнуться, зарядиться энергіей и рѣшимостью, чтобы броситься очертя голову, въ такое опасное предпріятіе. Да и тамъ, по ту сторону границы, если удастся перевалить ее, сумѣемъ ли мы снова найти свое мѣсто среди другихъ людей? Вѣдь мы давно чувствуемъ себя вычеркнутыми изъ жизни человѣчества. Ежедневная, ежечасная забота, чѣмъ набить желудки дѣтямъ и себѣ, изсушила мозги, отняла волю, погасила жажду свободы. Мечты о лучшей жизни все рѣже смущаютъ забитую, отупѣвшую отъ мерзости совѣтскаго быта, голову. Теперь ужъ и снится то только бѣда, и больше ничего.

Безпомощно и грустно переглядываемся мы съ мужемъ. Но сынъ нашъ молодъ, полонъ силъ и энергіи. Онъ не сдастся и торжашить насъ.

— Вы поймите, — говоритъ онъ, — если не послѣзавтра, то неизвѣстно, когда намъ можно будетъ уйти. Потому что другого такого случая мы врядъ ли дождемся. А время не терпѣть, вы сами это знаете. Папу надо спасти.

Онъ бѣжитъ опять къ двери и распахиваетъ ее. Нѣтъ никого.

— Пошмаете? онъ самъ поѣдетъ съ нами. Это значитъ — дѣло вѣрное. Минимумъ риска. Теперь только сообразить, какъ съ деньгами. Сколько у насъ еще осталось?

— Милліона четыре еще, пожалуй, наберется, да завтрашній Максимовъ милліонъ. — говорю я уныло, направляясь къ нашему казначейству, неподалеку отъ угловой печки и принимаясь перебирать въ ней тугія пачки керенокъ и прочей дряни.

Данила издастъ протяжный безнадежный свистъ.

— А требуется по семи милліоновъ съ головы...

— Ну, вотъ видишь, о чемъ же тутъ разговаривать? — произноситъ А. В.

— Какіе ужъ тутъ побѣги! — вторю я.

— Да погодите вы, не сдавайтесь! — негодуетъ сынъ. — Вы мнѣ только скажите: согласны ли вы бѣжать послѣзавтра?

Мы съ мужемъ опять переглядываемся недоумѣнно и безпомощно. Оно, что и говорить, бѣжать необходимо. Во-первыхъ, это давно рѣшено, еще четыре мѣсяца тому назадъ, по выходѣ нашемъ изъ тюрьмы. Тамъ же А. В. и Данила познакомились съ нашими будущими спасителями. А кромѣ того, надъ нами виситъ новая гроза. Изъ Москвы привезено извѣстіе о неминуемомъ новомъ арестѣ мужа (это ужъ былъ бы четвертый при большевикахъ). А удастся ли ему выбраться изъ тюрьмы и на этотъ разъ, какъ знать? Ужъ очень разозлилъ онъ «ихъ» рѣчью на обѣдѣ Уэльсу и статью о Ленинѣ и Горь-

Со слѣдующаго номера

„Иллюстрированная Россія“ увеличиваетъ объемъ

Отъ Издательства

Благодаря ряду техническихъ улучшеній и увеличенію размѣра машинъ, на которыхъ печатается «Иллюстрированная Россія», Издательство получило возможность

ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРИТЬ ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА, УВЕЛИЧИВЪ КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦЪ НОМЕРА.

Увеличеніе объема, сопровождаемое одновременно и уплотненіемъ шрифта, дастъ Издательству возможность значительно увеличить количество помѣщаемого въ журналѣ литературнаго и иллюстраціоннаго матеріала.

Особенное удовлетвореніе даетъ Издательству, непрерывно стремящемуся къ улучшенію журнала, сознаніе того, что оно производитъ эту реформу, связанную съ большими затратами, безъ того, чтобы обременять читателя: **КАКЪ ПОДПИСНАЯ. ТАКЪ И РОЗНИЧНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНИМИ.**

Выходъ увеличенныхъ въ объемѣ номеровъ начнется со слѣдующаго, № 11-го, выходящаго въ свѣтъ 4-го марта.

комъ. И та, и другая ходятъ въ спискахъ по рукамъ и размножаются подпольнымъ порядкомъ. Разумѣется, надо бѣжать, но какъ же намъ рѣшить такъ сразу?..

Сынъ, не дождавшись отъ насъ отвѣта, говоритъ рѣшительно:

— Ну, вотъ что: мнѣ сейчасъ надо уйти. Отвѣтъ я долженъ дать сегодня же вечеромъ. Такъ вотъ вы тутъ все хорошенько обдумайте, обсудите, а къ обѣду я вернусь и вы мнѣ скажете свое рѣшеніе.

Онъ цѣлуетъ насъ и быстро уходитъ. Мужъ тоже пошелъ къ себѣ. Я стою одна возлѣ буржуйки. Такъ лучше: каждый подумаетъ сперва про себя, освоится съ новыми, вихремъ ворвавшимися въ голову мыслями. Развѣ мыслимо рѣшиться такъ сразу?! А вѣдь необходимо... Нельзя больше оставлять тутъ дѣтей: пропадутъ. Надо увезти ихъ, пока еще не тронуты они заразою, пока борются всѣми силами чистыхъ душъ своихъ съ омерзительной совѣтщиной. Да и сами то мы развѣ не погибнемъ, если не воспользуемся счастливымъ случаемъ? И тогда они одни останутся въ этомъ омутѣ... А у насъ силъ все меньше. Сопротивленіе падаетъ. Охватываетъ тупое равнодушіе. Но если застрянемъ теперь, то придется провести еще одну зиму въ тѣхъ же безобразныхъ условіяхъ, потому что бѣжать зимою немислимо: нѣтъ теплаго платья. Неужели же видѣть снова, какъ бѣдный мужъ мой часами раздуваетъ сырыя дрова въ печи, или сидитъ изможденный, унылый, за письменнымъ столомъ, устремивъ тусклый, безнадежный взглядъ на помойную яму посреди двора!.. Вдохновляющій пейзажъ этотъ питаетъ его уже три года, что мы живемъ на этой квартирѣ. А я сама, наконецъ? Вѣдь я уже не человѣкъ, а звѣрь... Когда я несу своимъ кусокъ чего нибудь съѣстнаго, я звѣрь, волчица... Какъ то, на-дняхъ, я едва не попала подъ трамвай. Испугалась. Не испугалась не за себя, а за

кусокъ рыбы, который могъ не достаться мужу и дѣтямъ. Такъ и бѣжала, и бѣжала опрометью, судорожно прижимая къ себѣ эту драгоценность. А когда ночью, однажды, я возвращалась домой съ пятью фунтами давно невиданнаго мяса, добытаго какимъ то необыкновеннымъ случаемъ, на меня напалъ безумный ужасъ отъ налетѣвшей мысли, что, вдругъ, кто нибудь вздумаетъ отнять у меня мою добычу. Я бѣжала по пустынной набережной Невы, представляя себѣ, какъ я буду сперва умолять, не отнимать у моихъ дѣтей этого куса, а, если не поможетъ, буду кусаться, царапаться... Я знаю, что уже способна на все, только бы накормить своихъ... Нѣтъ, такъ больше нельзя: уже теряются грани допустимаго и недопустимаго, — horribly примѣръ для дѣтей! Очевидно, надо бѣжать. Бѣжать, во что бы то ни стало!

Слышу шаги мужа. Они увѣреннѣе и быстрѣе обычныхъ. Подходить ко мнѣ и улыбаются.

— Ну, что же? побѣжали, что ли?

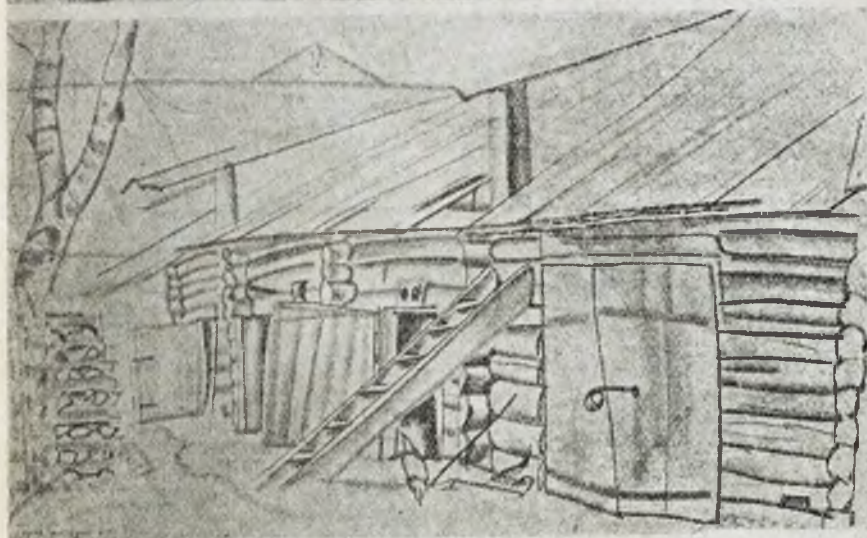
— Да какъ будто побѣжали, — улыбаюсь и я.

— Ну, значитъ, побѣжали, — заключаетъ онъ совѣтъ весело.

Вечеромъ Данила отнесъ нашъ отвѣтъ и вернулся поздно, оживленный и таинственный.

— Ну, вотъ что: дѣло съ деньгами улажено. Часть будетъ имъ выплачена тѣмъ, что у насъ имѣются, кромѣ того — вещами. Давайте все, что есть: бѣлье, подушки, одѣяла — все годится. Съ нами уходитъ и мой пріятель. Никсъ. Онъ выпроситъ у матери бриллантовую брошку и тѣмъ заплатитъ свою часть. Остальное выплатимъ заграницею. Ребята, — обращается онъ къ братьямъ, впившимся въ него широко открытыми, изумленными глазами, — послѣзавтра мы бѣжимъ изъ Россіи. Никому ни звука, ни намекъ объ этомъ, даже самымъ близкимъ людямъ: мы

НАШИ ВЫСТАВКИ:



РИСУНКИ БОРИСА ГРИГОРЬЕВА.

Изъ цикла «Лики Россіи».

У. БОРИСЪ ГРИГОРЬЕВЪ (къ его кончинѣ)



«Marie-Ange»

(Изъ цикла Бретань, 1925 - 27).



Материнство.



Этюдъ.
(Cagnes-sur-Mer)



Портретъ Сергѣя Есенина.



Итальянка (Миланъ).
(Музей въ Монтевидео).

рискуемъ головами. Продолжайте нашу обычную жизнь, какъ будто ничего не случилось. Я имѣю всѣ инструкции и являюсь какъ бы нашимъ предводителемъ. Требую абсолютнаго повиновенія и полнаго вниманія къ каждому моему слову и распоряженію.

Малые — ни звука, только смотрятъ на своего переводчика глазами, полными восторга и почтенія, да и старые съ тѣми же чувствами предаются въ руки юнаго сына, вдругъ ставшаго взрослымъ и сильнымъ.

— Теперь давайте вырабатывать планъ нашего бѣгства, — продолжаетъ Данила. — Надо придумать, какимъ образомъ мы, ни разу за эти пять лѣтъ не выѣзжавшіе изъ Петрограда, можемъ исчезнуть — всѣ вмѣстѣ, не сразу обративъ на это вниманіе властей.

Долго сидѣли мы за нашимъ круглымъ столомъ и шептались, вырабатывая программу дѣйствій. Все обдумали, только бы сумѣть хорошо разыграть распределенныя роли. Придумали и какъ доставить Романа на вокзалъ. Для такого исключительнаго случая, рѣшили использовать прежнюю дружбу съ человѣкомъ, располагавшимъ теперь при большевикахъ казенною лошадыю. Сумѣеть потомъ отговориться, не бѣда!

Благосклонная судьба устранила съ нашего пути одно огромное затрудненіе. Какъ во всякомъ совѣтскомъ домѣ, у насъ былъ домовый комитетъ: полицейское учрежденіе, вѣдавшее наблюденіемъ за нашими правами, согласно совѣтской программѣ, ведавшее статистику нашихъ знакомыхъ, слѣдившее, гдѣ и у кого мы бываемъ и пр.

Предсѣдателемъ домового комитета былъ прежній швейцаръ этого дома, ранѣе служившій въ городскихъ. Пятинадцатилѣтній сынъ его очень подружился съ моими мальчуганами и вѣчно торчалъ у насъ, когда они были дома. И вотъ, если бы онъ, ни разу при насъ не отлучившійся изъ Петрограда, не былъ посланъ отцомъ за городъ съ какимъ то неожиданнымъ порученіемъ, то намъ, разумѣется, бѣжать бы не удалось.

Это была послѣдняя и опаснѣйшая препона, которая рушилась предъ нами самымъ чудеснымъ образомъ. Вѣдь, если бы онъ былъ дома, то мы даже и приготовиться къ побѣгу не смогли бы: онъ сразу разсмотрѣлъ бы необычайные въ нашемъ положеніи сборы.

А дальше все пошло, какъ по маслу. Какимъ то тоже сверхъестественнымъ образомъ никто къ намъ не зашелъ, и не увидѣлъ ни нашихъ озабоченно — растерянныхъ лицъ, ни узловъ для нашихъ спасителей, ни записокъ, съ именами владѣльцевъ, расклеенныхъ на чужой мебели, которою насъ снабдили при переѣздѣ на эту квартиру. А если бы, храни Богъ, пришли въ одну изъ этихъ ночей съ простымъ очереднымъ обыскомъ, то картина задуманнаго побѣга выявилась бы настолько несомнѣнно, что насъ тутъ же бы и прихлопнули. Но никто, ни близкій, ни далекій, ни другъ, ни недругъ, не зашелъ. И поэтому для всѣхъ нашъ побѣгъ оказался, какъ громъ среди яснаго неба.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, я отправилась къ предсѣдателю домкомбѣда съ заявленіемъ, что, по предписанію доктора, я увожу завтра Романа въ деревню на шесть недѣль; что Данила проводить насъ до мѣста и вернется на слѣдующій день: что у Максима концертъ въ Павловскѣ, а такъ какъ мужу не хочется оставаться одному въ пустой квартирѣ, то они поѣдутъ вмѣстѣ и переночуютъ у знакомыхъ. Попросила жену пред-

сѣдателя, во время моего отсутствія, заходить къ моимъ и помогать имъ совѣтомъ и дѣломъ. Вручила ей нѣкоторую мзду авансомъ, пообѣщавъ прибавку по возвращеніи. Получила полное согласіе и мужа и жены, безъ признака удивленія или сомнѣнія: вѣдь, Максимовы разъѣзды по концертамъ были не въ диковинку, а что Романъ дѣйствительно боленъ, это всѣ знали хорошо.

На утро я проснулась совершенно разбитою, вялою, безъ силъ и воли. Мужъ мой уже сидѣлъ на кровати и одѣвался. Не слыша за собой движенія, онъ спросилъ:

— Ты развѣ не встаешь еще?

Кто то, будто помню меня, отвѣтилъ:

— Я не могу бѣжать сегодня.

Мужъ обернулся на меня.

— Что ты? Что съ тобой?

Такой же вялый отвѣтъ:

— Я не могу бѣжать сегодня.

— Да что такое? Почему?

— Такъ... не знаю... не могу...

А. В. спѣшно пошелъ, досталъ изъ буфета крошечную, бережно хранившуюся на днѣ пузырька, дозу спирта съ водою и заставилъ меня выпить. Черезъ пять минутъ я встряхнулась и, захваченная вихремъ сборовъ, забыла и думать о своей недостойной слабости.

Приѣхалъ экипажъ за нами. Всѣ вышли провожать насъ съ Романомъ, вытащили и погрузили весь общій нехитрый багажъ, съ которымъ мы должны были бѣжать. Данила вынесъ и усадилъ Романа и мы, въ присутствіи домкомбѣда и любопытствующихъ сосѣдей, принялись громко и весело обмѣниваться наказами и пожеланіями.

— Смотри же, Романъ, поскорѣ поправляйся, а то мы безъ тебя и безъ маминка совѣмъ соскучимся!

— Максъ, желаю тебѣ большого успѣха сегодня!

— Спасибо, постараюсь не ударить лицомъ въ грязь.

— А вы, ребята, пожалуйста, смотрите, чтобы у папы тутъ все было въ порядкѣ и во время. О бѣлѣ позаботьтесь. Папу берегите мнѣ! Ну, кажется, все въ порядкѣ. Ничего не забыли? Романъ, градусникъ у тебя? Ну, до свиданья, милые, будьте умники!

— Пиши почаще о Романкѣ!

Еще расцѣловались и двинулись. Когда отъѣхали уже довольно далеко, я обратилась къ возницѣ:

— Постойте, голубчикъ, куда же это вы ѣдете?

— На N вокзалъ.

— Что такое?... Вѣдь намъ же совѣмъ не туда надо.

— А у меня ордеръ, вотъ онъ... — И возница полѣлъ за пазуху.

— Экіе, право, какіе! Вѣчно все перепутаютъ! Вѣдь, ясно, кажется, говорили по телефону. Ну, что тутъ будешь дѣлать? Ужъ вы, пожалуйста, будьте такъ добры, поѣзжайте на L вокзалъ, а я вамъ прибавлю за ошибку. Мальчикъ то у меня, сами видите, совѣмъ двигаться не можетъ.

Возница покрутилъ головою, но свернулъ и поѣхалъ въ противоположную сторону. Такъ. Теперь все въ порядкѣ: ѣдемъ, куда слѣдуетъ. Мы съ Романомъ радостно переговаривались. Ордеръ у возницы былъ правильный. — это мы сами указали не тотъ вокзалъ, чтобы замести слѣды.

На вокзалѣ встрѣтили насъ Данила и, такъ называемый, племянникъ нашъ Никсъ, на самомъ дѣлѣ, племянникъ Н. А. Римскаго - Кор-

сакова, тогда еще една начинающій, теперь же художникъ съ большимъ именемъ, — Николай Моласъ. Они забрали съ собою Романа и часть багажа и уѣхали съ первымъ поѣздомъ. А я, сдавъ остальные вещи на храненіе, осталась ждать мужа и Максима на подѣздѣ у вокзала. Время тянулось невыносимо долго. Непокорно было на душѣ. А вдругъ сорвется въ послѣднюю минуту, раскроется нашъ замыселъ! Трое уѣхали, двое тамъ, можетъ быть, уже арестованы, а я тутъ одна...

Но нѣтъ, судьба опредѣленно за насъ: вотъ и мой двоѣ сходятъ съ трамвая, идутъ веселые, болтаютъ. Максимъ тащитъ огромную для его роста виолончель (это его гордость, что онъ играетъ на «взросломъ» инструментѣ). — сушая улитка съ домикомъ! Смотримъ на часы: слишкомъ рано, — мы должны, по распоряженію Данилы, пропустить еще одинъ поѣздъ.

Идемъ посидѣть, пока что, въ скверъ передъ вокзаломъ. Чахлый, голый скверъ. Листья всѣ облетѣли. Дорожки въ лужахъ. Одинокія, понурія фигуры трусятъ мимо насъ, даже не поднимая глазъ на какихъ то трехъ веселыхъ чудаковъ. Сидимъ, болтаемъ, шутимъ, — спокойствіе полнѣйшее.

И такъ и дальше пошло. Никто изъ насъ тронхъ не волновался. Чувствовали лишь легкое возбужденіе, какъ при самомъ обыкновенномъ путешествіи. Взяли билеты, забрали багажъ и пошли садиться въ телѣжій вагонъ. Для меня и Максима это была не новинка: я ѣздила, случалось, въ деревню за продуктами, а Максимъ постоянно съ концертами. Ну, а для А. В. такой способъ путешествія былъ въ диковинку. И вотъ, сидимъ мы на гуляющихъ, насланныхъ поперекъ вагона, дощечкахъ. — потряхиваетъ насъ, покачиваетъ, — а мы смотримъ другъ на друга хитрыми глазами, улыбаемся, шуточками перекидываемся:

— Заграницу наши поѣхали. — говорить весело мужъ мой. — да не какъ нибудь: въ телѣжьемъ вагонѣ!

А вагонъ биткомъ набитъ сумрачными, озабоченными людьми. Все это ѣдетъ куда то за пропитаніемъ, въ надеждѣ смѣнить кое какое барахло на мѣшочекъ муки, крупы, на кусокъ сала... Сидятъ, тупо уставясь въ одну точку, либо тревожно переговариваясь другъ съ другомъ. Ни улыбки, ни смѣшка, ни шуточки. Застыли люди въ величайшей отъ сотворенія міра унылости.

— Ну, что же, если даже «тамъ» арестуютъ насъ, все же успѣли хоть по желѣзной дорогѣ проѣхаться, на деревья, на поля впервые за пять лѣтъ взглянуть — и то хорошо!

А вотъ и условленная станція. Выходимъ. Оглядываемся. Почти тотчасъ же мимо насъ, мѣрной поступью, не поворачивая головы, со строгимъ видомъ, шагаетъ Данила. Оглянувшись туда — сюда, поправивъ мѣшки за спинами, мы двигаемся въ его направленіи, гуськомъ, по узенькой тропинкѣ вдоль рельсовъ. Ахъ, какое блаженство ощущать подъ ногою мягкую влажную землю, вмѣсто гранита! А воздухъ то какой! Не надышешься... Идемъ и идемъ все дальше. Молчимъ, но въ душѣ ликование. Лѣсъ по сторонамъ все густѣетъ. Кругомъ ни души живой. А Данила все не оборачивается, шагаетъ молча. Ждемъ, что будетъ.

Иларія Амфитеатрова.

(Продолженіе въ слѣд. номерѣ).

ГРАФИНЯ СОФІЯ ПОТОЦКАЯ

Очеркъ П. Кремнева

(Продолженіе)

1789 годъ... На востокъ гремитъ канонада русско - турецкой войны. Потемкинъ со своимъ штабомъ стоитъ подъ Очаковомъ. Очаковъ кишитъ съѣхавшимся изъ столицы людомъ. Тутъ и сановники, связанные съ «свѣтлѣйшимъ» дѣлами, и гости изъ за-границы, заинтересованные въ восточныхъ дѣлахъ, и поставщики армій, и постоянные курьеры, шныряющіе между потемкинскою ставкою и столицей, а больше всего — искателей приключеній и любителей весело пожить. Гдѣ Потемкинъ — тамъ всегда, прежде всего, весело, даже если это и на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Балы, устраиваемые свѣтлѣйшимъ, своимъ блескомъ не уступаютъ петербургскимъ. Тѣ же ослѣпительные туалеты, тѣ же изысканныя яства и деликатессы, для собиранія которыхъ развѣзжаютъ непрерывно по всей Россіи и заграничней курьеры и цѣлыя экспедиціи, то же море винъ, фейерверки, маскарады, и т. д.

Софія Витте царитъ среди сонма красавицъ, окружающіхъ великолѣпнаго князя Тавриды. Князь оказываетъ ей большое вниманіе, и старается всячески угодить прекрасной гречанкѣ. Но роли, о которой мечтала она въ своемъ каменецкомъ одиночествѣ, ей играть не придется. Потемкинъ слишкомъ искушенъ и избалованъ, чтобы подчинить себя чьему - либо вліянію. Софія обворожительная, ея красота и тутъ плѣняетъ всѣхъ и вся. И князь не остается равнодушнымъ.

Но ей не дано ни достаточной силы, ни дипломатической ловкости, ни опыта настоящей куртизанки, чтобы «скрутить» такого льва, какъ Потемкинъ.

Онъ отличаетъ ее иногда отъ другихъ. И очень часто. Недавно она гадала ему на картахъ и предсказала, что Измаилъ (осажденная русскими турецкая крѣпость) сдастся черезъ три недѣли.

— Я лучше васъ гадаю, — сказала ей шуточно свѣтлѣйшій... Это было сказано съ лаской и нѣжностью, съ какою говорятъ съ дѣтми... И отдалъ Суворову приказъ немедленно взять Измаилъ, что и было исполнено. Софія была необыкновенно польщена этимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смущена.

Не легко гадать для такого человѣка!.. И разгадать его...

Недавно былъ балъ, на которомъ каждой изъ присутствовавшихъ красавицъ Потемкинъ подарилъ по изумительной шали. Двѣсти драгоценныхъ шалей, полученныхъ двумястами красавицами, были всѣ одинаковы. Шаль - же, подаренная Софіи, была еще луч-

См. предыд. ном. «Ил. Рос.»



Справа:

Софія Потоцкая.

ше и богаче всѣхъ и отличалась отъ нихъ и краской, и узоромъ. Софія поняла это и оцѣнила. И не осталась неблагодарной. Но на другомъ балу, слѣдовавшемъ всего черезъ нѣсколько дней, свѣтлѣйшій баловень женщинъ, подарокъ, превосходящій всѣ другіе, вручилъ уже другой красавицѣ.

Въ Яссахъ царитъ необыкновенное оживленіе. Жизнь бьетъ ключемъ. Здѣсь ведутся переговоры русскихъ съ турками. Народу съѣхалось отовсюду столько, что городъ совершенно не можетъ вмѣстить всѣхъ пріѣзжихъ. Дѣловые разговоры не ограничиваются, однако, Турціей. Кого - кого только тутъ нѣтъ!

Среди пріѣхавшихъ находится и одинъ изъ виднѣйшихъ польскихъ магнатовъ, маршалъ, графъ Потоцкій, обладатель сказочно - большого состоянія. Потемкинъ и русскіе дипломаты, буквально, охотятся на него, стремясь во что бы то ни стало использовать его вліяніе въ Польшѣ.

Графа знакомятъ съ Софіей Витте.

Не молодой уже магнатъ съ первой встрѣчи влюбляется въ Софію. Красавица кокетничаетъ съ нимъ самымъ жесточайшимъ образомъ. Она не пропускаетъ ни малѣйшей возможности встрѣтиться съ нимъ. Онъ молится на «счастье, ниспосланное ему небомъ». Его плѣняетъ не только ея красота, онъ восхищенъ также ея умомъ, ея умѣемъ разбираться въ политическихъ вопросахъ, а главное — тѣмъ горячимъ интересомъ, который она проявляетъ къ тому, что волнуетъ его — вопросу Польши. Онъ уже давно думаетъ, что сближеніе съ Россіей — единственный способъ удачнаго разрѣшенія этого вопроса. Этого же взгляда придерживается и она. Положеніе его тяжело и отвѣтственно: слишкомъ много разставлено стѣй, чтобы захватить его. Потемкинъ, самъ Потемкинъ, старается оказать ему самое лестное вниманіе. Это шекочетъ его политическое самолюбіе. Самая красивая женщина, самая умная изъ всѣхъ, какихъ онъ встрѣчалъ за свою жизнь, отмѣчаетъ его своею благосклонностью и дружбою. Это льститъ его мужскому достоинству. Софія одаряетъ его нѣжною привязанностью, шептывая ему сладкія сло-

ва, и со свойственною восточной женщиной образностью, рисуетъ ему будущее счастье его отечества, въ которомъ самъ онъ будетъ первымъ гражданиномъ, можетъ быть, королемъ.

Графъ не въ состояніи устоять противъ соблазна и примыкаетъ къ Тарговицкой конфедераціи (чего такъ добивались русскіе). Наградой за это онъ получаетъ любовь Софіи.

Софія же, оставаясь вечеромъ одна, мысленно воздѣваетъ предъ зеркаломъ на себя польскую корону.

Каменецъ - подольскія мечтанія какъ будто начинаютъ претворяться въ дѣйствительность.

Потоцкій съ Софіей уже въ Польшѣ. Они поселяются въ Тульчинѣ. Соблюдая формы приличія, они не показываются вмѣстѣ, хотя о связи ихъ знаютъ всѣ, не исключая даже жены графа — Юзефины.

Тарговицкій конкордатъ приводитъ къ Гродненскому сейму. Всѣ мечты графа и Софіи разбиваются вдребезги...

На сеймѣ, конечно, и Потоцкій, во главѣ своей партіи. Съ нимъ же и его возлюбленная. Пораженіе дѣлаетъ положеніе графа невыносимымъ. Онъ — главный виновникъ свершившагося. Все, что окружало его, постепенно оставляетъ его. Вскорѣ онъ — одиночекъ и всѣми покинутъ. Его моральный престижъ разрушенъ. Жизнь не только теряетъ для него смыслъ, она невыносима для него. Одни богатства, какъ бы велики они ни были, не могутъ заставить гордаго патріота тянуть постылую жизнь. Онъ уже слышитъ въ ушахъ обрушивающіяся на него проклятія.

Софія болѣзненно переживаетъ тяжесть обрушившагося несчастья. Она страдаетъ мучительно. Разбиты ея, долго лелѣяныя, мечты, разбита жизнь человѣка, который ей близокъ. Она дѣлаетъ открытіе, что она его любитъ...

Графъ нѣженъ, благороденъ, способенъ ради нея на всякія жертвы. Сознаніе, что она, сама больше всѣхъ повинна въ обрушившемся на него ударѣ, рѣзкою болью отзывается въ ея сердцѣ... Какъ жалѣетъ она, что поз-

попила себя вмѣшаться въ «политику», поволила сдѣлать изъ себя игрушку въ рукахъ политикановъ... О, какъ она ненавидитъ и презираетъ ихъ!.. Она любитъ графа, и будетъ любить, какъ только можетъ любить честная, искренняя женщина...

Софія окружаетъ несчастнаго, надомленаго графа нѣжною любовью. Онъ ушелъ отъ міра, не выходитъ изъ дому, никого не видитъ, кромѣ нея. Мысль о самоубійствѣ, подъ вліяніемъ ласокъ и любви, начинаетъ уступать предъ голосомъ жизни. Онъ сосредоточиваетъ всѣ свои мысли и чувства на одной своей возлюбленной: политика, жажда активной работы, пригложли сами собою. Любовь подчиняетъ себя все.

Настойчиво лѣзутъ Софіи въ голову воспоминанія о Парижѣ, объ Очаковѣ, о свѣтскомъ успѣхѣ, побѣдахъ, — она отгоняетъ ихъ отъ себя.

— Бредъ! бредъ! бредъ! — повторяетъ она. Цѣль ея жизни — ей ясна теперь. Горе изживется, жизнь — впереди.

Оживляется и пожилой графъ.

Первымъ дѣломъ — нужно уйти отъ людей, уединиться, замкнуться у своего очага отъ презирающаго ихъ общества.

Потоцкій и Софія покидаютъ Польшу и поселяются въ Гамбургѣ.

Холодъ и презрѣніе преслѣдуютъ ихъ и на нѣмецкой землѣ... Потребность въ людскомъ обществѣ беретъ, наконецъ, верхъ и начинаетъ ихъ толкать — сдѣлать пробу: можетъ быть, общество все же хотѣ нѣсколько измѣнить свое отношеніе къ нимъ. Изъ поляковъ никто еще не переступилъ ихъ порога. Графъ и Софія пренебрегаютъ гордостью и начинаютъ дѣлать визиты. Увы! — большинство остаются безъ отвѣта. Они пытаются тогда завязать сношенія съ нѣмецкимъ обществомъ. Разсылаются, украшенные графскою короною, разнымъ виднымъ гражданамъ города приглашенія на балъ.

Этотъ балъ обѣщаетъ превзойти все когда либо видѣнное Гамбургомъ. По городу распространяются слухи о пудахъ икры, выписанной для него изъ Россіи, о корзинахъ земляники изъ Ниццы, о цвѣтахъ изъ Италіи.

Съ волненіемъ и трепетомъ ждутъ графъ и Софія наступленія вечера бала. Софія не отходитъ отъ зеркала, нацѣпляя и нацѣпляя на себя новыя и новыя нитки брилліантовъ и жемчуга. На ея прекрасной головѣ красуется усыпанная драгоценными камнями діадема. Она сама восхищена своею красотою, и не въ состояніи оторваться отъ зеркала.

Графъ, на своей половинѣ, одѣтый во фракъ, украшенный орденами, отдаетъ многолюдному штату разодѣтой въ нарядные мундиры прислуги, послѣдній распоряженія, касающіяся церемоніала и этикета. Длинный разговоръ съ обоими капельмейстерами обоихъ оркестровъ.

Софіи дѣлаетъ послѣдній докладъ шефъ кухни. Она вполне довольна: подкрѣпленіе штата поваровъ новыми силами, выписанными изъ Берлина и Бремена, оказалось очень удачнымъ—Берлинъ далъ замѣчательнаго артиста по части майонезовъ и другого — по части слоенаго тѣста. Бременскіе мастера показали себя настоящими артистами по части «пти - фуръ», жаркаго и гарнировъ.

Въ полумракѣ обходитъ затѣмъ Софія длинные ряды столовъ, растянутые въ залахъ, примыкающихъ къ танцевальному.

Предъ нею простираются фантастическія

постройки замѣчательныхъ блюдъ, перемѣжающіяся цвѣтами, собранными въ большіе пышные букеты. Хрустальная посуда, въ которой веселыми огоньками отражаются огни, пока еще не въ большомъ количествѣ зажженныхъ свѣчей, горы сочныхъ ароматныхъ фруктовъ на гигантскихъ подносахъ, съ которыхъ гирляндами спускаются живописныя гроздья винограда, — безконечное обиліе холодныхъ, жаркихъ заливныхъ, птицы, рыбы, салатовъ, соусовъ, сладкихъ, мороженыхъ, сыровъ, винъ, прохладительныхъ напитковъ и т. д.

Софія довольна. Внутри, правда, щемитъ какая-то боль, но это — очевидно, реакція, результатъ пережитаго. Это пройдетъ.

Она посылаетъ за графомъ — посмотреть на видъ столовъ. Графъ — въ восторгѣ: какъ сумѣла она все это замѣчательно организовать!.. Онъ цѣлуетъ ее поспѣшно въ щеку и, избѣгая взглянуть ей въ глаза, смущенно удаляется на свою половину.

Софія смотритъ ему вслѣдъ: ей странна и непріятна его смущенность. Въ сердцѣ кольнула снова какая-то боль... Почему такъ холодно и неудобно на душѣ?..

Однако, приближается моментъ сѣзда гостей. Софія отдаетъ мажордому распоряженіе освѣтить залы и сама удаляется къ себѣ...

Когда мѣсяцами тянушіеся хлопоты по подготовкѣ такого бала, наконецъ, уже позади, когда позади уже всѣ заботы о кулінаріи, туалетахъ, о прислугѣ, о тонкихъ яствахъ, когда эти мѣсяцы озабоченныхъ трудовъ и громаднѣйшаго внутренняго напряженія уже пережиты, то послѣднія минуты, въ ожиданіи сѣзда гостей, кажутся часами.

Нервно ходитъ Софія по своей большой гостиной, мелькомъ бросая взглядъ на стоящее въ углу огромное зеркало... Сейчасъ вотъ начнется сѣздъ. Но почему у нея такой холодный комочекъ стоитъ подъ горломъ и не хочетъ никакъ разсосаться? Она выпиваетъ нѣсколько глотковъ вина, — вино не согрѣваетъ.

Почему — же, однако, еще не начинается сѣздъ? Или здѣсь такой обычай?

Все первѣе и первѣе комкаетъ она платокъ, судорожно зажатый въ ея рукѣ, ускоряя и ускоряя шагъ по своей комнатѣ.

Часы показываютъ половину одиннадцатаго: гостей еще нѣтъ.

Минуты кажутся часами, часъ — вѣчностью.

Софію охватываетъ лихорадочное волненіе. Любовь въ поту... Знобитъ... холодно... Жадно, притавивъ дыханіе, прислушивается она въ сторону улицы: ни звука, ни одного подѣзжающаго экипажа. Городъ уже спитъ. Жуткая, мертвящая душу, тишина... Залы замка, развертывающіеся предъ ея глазами изъ оконъ ея комнаты, залиты свѣтомъ. Какъ призраки, стоятъ, какъ вкопанные, на назначенныхъ имъ мѣстахъ, разукрашенные въ золоченныя одѣянія лакеи... Ледяной дворецъ!.. Ужасный призракъ. Фантазмагорія!..

Софіи становится жутко... Ей страшно взглянуть на часы, страшно взглянуть на улицу, страшно быть самой съ собою. Голова отяжелѣла, стала точно свинцовая... не въ состояніи ни на одну мысль, ни на одно рѣшеніе...

— Боже мой! Боже мой! — раздается вдругъ громкое рыданіе теряющей послѣднія силы женщины. — За что такое наказаніе? За что? За что — такая жестокость?

Тяжелымъ, грузнымъ пластомъ падаетъ

она на коверъ... Съ трудомъ разрываетъ душное ея платье, корсетъ и, дрожа въ истерической лихорадкѣ, рыдаетъ, рыдаетъ неудержимо, давъ волю своему горю, обливая коверъ горячими слезами.

Въ дверь кто-то стукнулъ. Она не слышитъ. Стукнулъ другой разъ, третій, четвертый. Она не слышитъ — не откликается. Дверь открылась: вошелъ графъ.

Точно не видя его или не узнавая, смотритъ на него, поднявъ съ ковра голову, Софія... Скорбно глядятъ ее залитые слезами глаза.

— Я къ тебѣ, Софія, — тихимъ, глухимъ, еле слышимымъ голосомъ обращается къ ней графъ. — Миѣ страшно...

Его душатъ слезы. Увидя рыдающую жену, графъ не выдерживаетъ и начинаетъ плакать.

Долго — долго сидятъ молча другъ противъ друга двѣ подавленные горемъ согбенныя фигуры; каждый углубленъ въ свои мысли. Ни у нея, ни у него нѣтъ мужества заговорить первымъ. Ощущеніе жгучей боли отъ оскорбленія, обиды, стыдъ парализуютъ языкъ.

По ту сторону дверей кто-то шевелится, покашливаетъ, явно желая обратить на себя вниманіе.

Графъ смотритъ на часы — уже два часа ночи. Его взглядъ падаетъ на окно: залы залиты огнями тысячи свѣчей, прислуга бродитъ по пустыннымъ комнатамъ.

— Кто тамъ? — спрашиваетъ онъ.

Изъ за двери откликается мажордомъ.

— Прикажете гасить свѣтъ, ваше сіятельство? — тихимъ, понижаннымъ голосомъ спрашиваетъ онъ.

— Гасите, — отвѣчаетъ графъ черезъ дверь.

Открыть ее и взглянуть въ глаза постороннему человѣку у него не хватаетъ мужества.

Графъ и графиня цѣлый день не выходятъ изъ дому. Графъ принялъ только мажордома, которому отдалъ свои распоряженія. Софія не вышла изъ своей комнаты ни разу и не допустила къ себѣ даже самой близкой прислуги. Вещи, — два небольшихъ чемодана самаго необходимаго что она брала съ собою, — она упаковала сама.

Вечеромъ, когда стемнѣло, графъ и графиня покинули замокъ. Кромѣ кучера и мажордома никого въ этотъ моментъ не было. Прислугѣ были розданы щедрые подарки, которые должны были замѣнить тягостное прощаніе.

— Все что на столахъ пусть ѣдятъ, выпьютъ, выбросятъ, уничтожатъ. — вспоминаетъ вдругъ Софія въ моментъ, когда экипажъ уже тронулся, — только чтобы ничего не продавали или не выносили въ городъ.

— Да, ты права, — говоритъ графъ, останавливая кучера и подзываетъ не успѣваго еще удалиться мажордома.

— Слушаюсь, ваше сіятельство, все будетъ въ точности исполнено.

— Никакихъ разговоровъ! — какъ будто ничего не было! — наставительно и строго добавляетъ графъ.

— Будьте спокойны! — завѣряетъ слуга. Экипажъ тронулся.

Софія, рыдая, положила голову на плечо графа. Онъ гладитъ рукой ея горячую, мокрую щеку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Кремневъ.



Старинная гравюра, изображающая заседание Конклава.

КОНКЛАВЪ

Какъ происходятъ выборы папы

Очеркъ Е. СЕРГѢЕВА

Бренные останки папы Пія XI покоятся отнынѣ въ криптѣ собора Св. Петра въ Ватиканѣ, недалеко отъ гробницы папы Пія X. Во всѣхъ католическихъ храмахъ міра каждый день служатся торжественныя заупокойныя мессы. Въ печати еще продолжаютъ появляться статьи и воспоминанія, посвященныя Пію XI. Но все это уже исторія. Имя Пія XI заняло свое мѣсто въ ряду его 265 предшественниковъ на страницахъ великой книги исторіи христіанской церкви.

Между тѣмъ жизнь продолжаетъ свой неуклонный бѣгъ, и живые, предавъ погребенію прахъ почившаго, уже помышляютъ о его замѣстителѣ. Кто замѣнитъ Пія XI на апостольскомъ тронѣ? Кто наречетъ, кто избересть этого замѣстителя? И какъ будетъ произведено это избраніе?

Какъ извѣстно, выборы новаго папы происходятъ на особомъ собраніи кардиналовъ, именуемомъ «Конклавъ». Порядокъ и церемоніалъ этого высшаго органа церковной власти разработаны до мельчайшихъ деталей и самъ по себѣ конклавъ является интереснѣйшей процедурой. Забѣгая нѣсколько впередъ, замѣтимъ, что еще не такъ давно кардиналовъ и всѣхъ конклавистовъ на все время ихъ голосованія, т. е. на нѣсколько дней, а то и недѣль, замуровывали въ отведенномъ имъ помѣщеніи, задѣлывая кирпичами окна и двери. Обычай этотъ былъ отмѣненъ лишь при выборахъ папы Пія X въ 1903 году.

Разумѣется, какъ эта, такъ и другія, сохранившіяся до нашихъ дней традиціи, вырабатывались вѣками и имѣютъ свою любопытную исторію.

«Конклавъ» — значитъ «запертая зала»: — мы только что говорили о той традиціи, которая дала основаніе для такого названія. Первымъ законодателемъ конклава былъ па-

па Григорій X, выработавшій въ 1274 году его точную конституцію. Къ этому вынуждала его очевидная необходимость, ибо самое избраніе его сопровождалось весьма скандальными обстоятельствами; они, кстати, и послужили источникомъ пресловутой традиціи «запертыхъ дверей».

Когда, въ 1268 году умеръ папа Клементъ IV, для избранія его преемника, въ тогдашней папской резиденціи Витербо (въ 100 км. отъ Рима) собралось 17 кардиналовъ. Между ними оказалось столь мало согласія, что проходили дни, недѣли, мѣсяцы, голосованія шли одно за другимъ, а результатовъ никакихъ не было: ни одинъ изъ кандидатовъ не могъ получить большинства двухъ третей голосовъ.

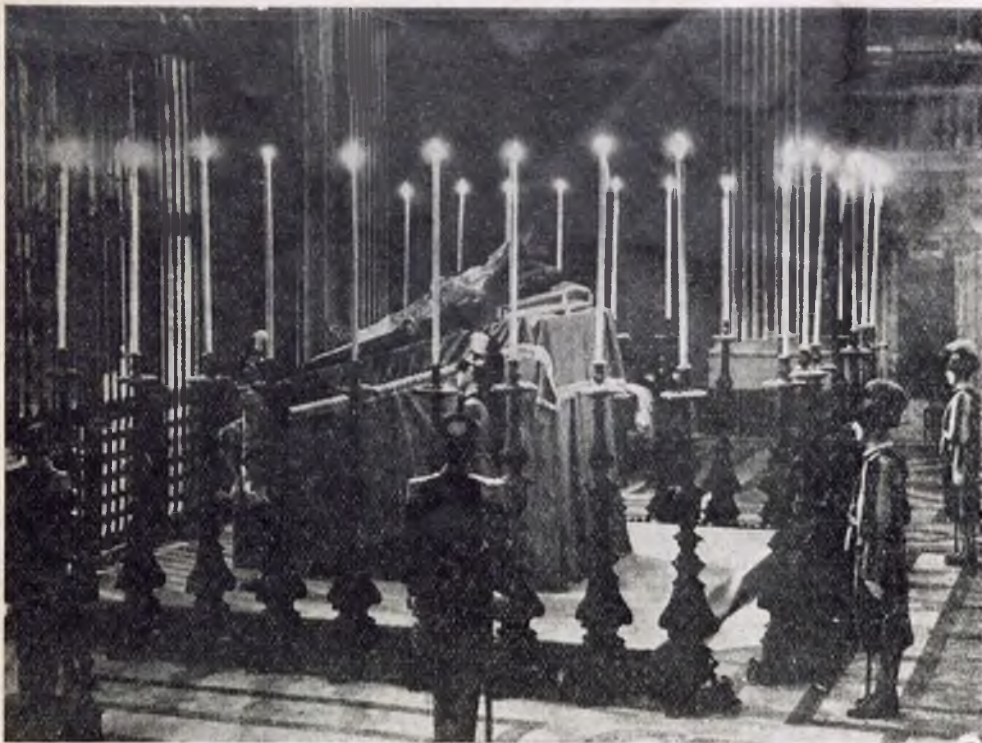
За мѣсяцами прошли годы, кардиналы все голосовали, и все такъ-же безрезультатно. Міръ начиналъ волноваться безъ папы; иностранные государи стали посылать въ Витербо настойчивыя просьбы такъ или иначе съ выборами покончить. Наконецъ, въ 1270 году серьезно осложнилось политическое положеніе: король Людовикъ Святой, во время несчастнаго восьмого крестоваго похода въ Тунисъ, умеръ отъ чумы въ Карфагенѣ. Его сынъ и наслѣдникъ Филиппъ III, вмѣстѣ съ дядей, королемъ Сициліи Карломъ Анжуйскимъ, и остатками разбитаго войска, поспѣшили въ Витербо — въ эти трудныя минуты моральная поддержка папы была ему особенно необходима. Папы, однако, все не было: — кардиналы голосовали...

И тогда — то, возмущенное населеніе рѣшило покончить со скандаломъ героическими мѣрами: кардиналы были замурованы въ епископскомъ дворцѣ, причемъ имъ было строго заявлено, что до тѣхъ поръ, пока они не придутъ къ соглашенію, выпущены они не будутъ. Для наблюденія за ними, въ ка-

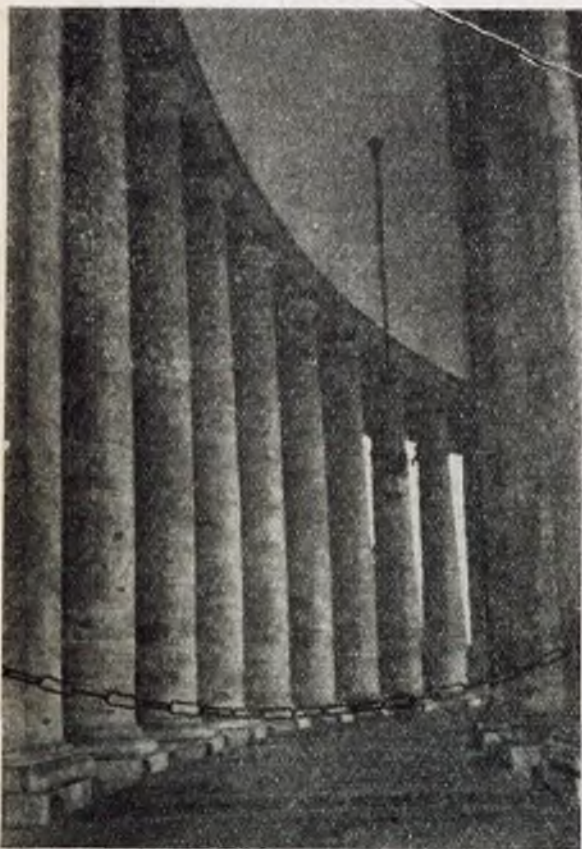
честве почетнаго тюремщика, былъ избранъ нѣкій дворянинъ по фамиліи Савелли: — потомки именно этого дворянина, князья Киджи, сохранили до сихъ поръ традиционную, наслѣдственную привилегію быть маршалами — распорядителями конклава.

Столь героическая мѣра, однако, вовсе не сразу образумила несговорчивыхъ кардиналовъ. Не повліяло на нихъ и то, что двое изъ нихъ заболѣло — кардиналы голосовали безрезультатно. Тогда, — говоритъ преданіе, — жители Витербо разобрали черепичную крышу дворца, предоставивъ воздѣйствовать на кардиналовъ дождю и непогодѣ, и въ качестве питанія оставили кардиналамъ лишь хлѣбъ и воду. И только лишь послѣ этого, черезъ 33 мѣсяца безрезультатныхъ голосованій, папа былъ избранъ. Это былъ не кардиналъ и даже не епископъ: — кардиналы сговорились въ концѣ концовъ на имени простаго льежскаго архидiakона, извѣстнаго своей благочестивою жизнью и находящагося въ миссіи въ Сиріи. Новоизбранный папа принялъ имя Григорія X, и однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было дѣло упорядоченія процедуры папскихъ выборовъ. На лонскомъ соборѣ 1274 года новыя правила были утверждены.

За истекшія столѣтія правила эти, конечно, подверглись и неоднократному пересмотру и значительной эволюціи. Такъ, напримѣръ, первоначально папой могъ быть избранъ любой совершеннолѣтній католикъ. Съ 1378 г. избранъ можетъ быть лишь кардиналъ. Измѣнено также — правда, въ порядкѣ обычая, а не закона, — и правило о національности папы. Раньше имъ могъ быть человекъ любой національности и на папскомъ престолѣ въ разное время сидѣло 15 французовъ, 13 грековъ, 8 сирійцевъ, 6 нѣмцевъ, 5 испанцевъ, 1 англичанинъ, 1 португалецъ, 1 гол-



Останки папы Пія ХІ до погребенія покоились въ соборѣ Св. Петра. Сотни тысячъ вѣрующихъ прошли передъ ними для послѣдняго прощанія.



Коллонада собора Св. Петра, являющаяся уже территоріей Ватикана, преграждена цѣпью.

ландецъ, 1 шведъ и т. д. Но съ 1542 года избранными были лишь итальянцы и это стало, какъ бы не писаннымъ закономъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что именно въ этомъ году въ разныхъ кругахъ особенно подчеркивается, что это лишь обычай, отъ котораго именно въ наши дни слѣдовало бы отсту-



Полковникъ папской «швейцарской гвардіи».

пить, избравъ папу какой либо иной, болѣе «нейтральной» національности.

Открытію конклава предшествуютъ довольно длительныя и сложныя приготовленія.



Папа Пія Х

Первой заботой кардинала — камерлингъ — въ настоящее время кардинала Пачелли — въ періодъ междуцарствія исполняющаго административныя функціи, является извѣстить всѣхъ кардиналовъ міра о кончинѣ папы и о предстоящемъ конклавѣ, дабы они могли во время на него прибыть. Теперь, во времена радио и аэроплановъ, все это значительно упрощено, и, повидному, всѣ кардиналы придутъ во время: — правда, двоимъ изъ нихъ пришлось прибѣгнуть для этого къ воздушнымъ кораблямъ: — фактъ въ исторіи церкви до сихъ поръ не бывалый.

Всего въ нынѣшнемъ конклавѣ примутъ участіе 62 кардинала. По національностямъ, они распредѣляются такъ: 35 итальянцевъ, 6 французовъ, 4 нѣмца, 3 испанца, 3 сѣверо-американца, 1 чехословакъ, 1 полякъ, 1 бельгійецъ, 1 венгръ, 1 англичанинъ, 1 леваантинецъ, 1 бразилецъ, 1 аргентинецъ, 1 португалецъ, 1 ирландецъ и 1 канадецъ. Замѣтимъ, кстати, что 52 изъ нихъ были возведены въ



за молитвой.

санъ кардинала папой Пиемъ XI, 9 — Бенедиктомъ XV и 1 — Пиемъ X. Самый молодой изъ нихъ — лиссабонскій архіепископъ Серейхера: ему всего 51 годъ, и это именно онъ прилетѣлъ изъ Португаліи на гидроавіонѣ.

Этими 62-мя членами отнюдь не ограничивается населеніе «запертаго зала» Конклава на нѣсколько дней, а то и недѣль, становится маленькой изолированной колоніей, численностью до 250 - 300 человѣкъ. Каждый кардиналъ имѣетъ право взять съ собой одного секретаря и одного служку. Для обслуживания затворниковъ назначаются врачи и, въ случаѣ надобности, низшій медицинскій персоналъ. На этотъ разъ его будетъ особенно много. — Одинъ изъ членовъ конклава, кардиналъ Маркетти, какъ разъ незадолго до кончины папы сталъ жертвой несчастнаго случая: — онъ упалъ въ горахъ въ Швейцаріи и сломалъ себѣ ногу. Въ конклавъ его доставятъ на носилкахъ и онъ все время бу-

детъ лежать въ своей кельѣ. За его избираемыми записками кардиналъ - распорядитель голосованія будетъ приходить къ нему изъ Сикстинской капеллы.

На конклавѣ будетъ еще одинъ больной кардиналъ Томазіо Боггіани: — у него катарактъ глазъ и онъ почти ослѣпъ. Голосовать

онъ будетъ также въ своей кельѣ. Помимо личныхъ секретарей, слугъ и врачей въ конклавѣ соберется еще цѣлый рядъ необходимыхъ сотрудниковъ: — повторяемъ, конклавъ является совершенно изолированной колоніей и всѣ ея житейскія надобности должны быть предусмотрены. Въмѣстѣ съ



Общій видъ града Ватикана. Справа — соборъ Св. Петра.



Офицеръ «благородной гвардіи».



Часовые швейцарской гвардіи у воротъ Ватикана.

ЖИЗНЬ МАРИИ

Очерки ея дочери Евы

Авторизованный перевод для „Иллюстрированной

(Продолжение)

ГЛАВА 12-ая: АМЕРИКА.

— Итак, что - же составляет предмет ваших заветных желаний? Чем больше всего в мире желали бы вы обладать? — ставить свой вопрос Марии Кюри миссис Мелони.

Эта культурная американка, выдавшая на своем веку самую замечательную лабораторию Америки, в том числе — и эдиссоновскую — похожую скорее на дворец, чем на лабораторию, была удивлена и смущена малыми размерами и видом «Института радия», построенного на скромную марку французских университетских зданий. Видела она также и заводы в Питсбурге, в которых производится обработка руды радия.

Предъ ей глазами встают гигантские черные трубы завода, бегут длинные цепи вагонов, перевозящих картонит, тающий в себе драгоценный радий.

И вот она в Париже, в маленьком, скверно меблированном бюро, глаз на глаз с той самой женщиной, которая открыла радий.

— Итак, чего желали бы вы больше всего на свете? — повторяет она свой вопрос.

— Мне нужно было - бы иметь для продолжения моих изысканий — один грамм радия... Но я не могу его купить: радий стоит для меня слишком дорого!... — отвечает женщина, открывая радий.

У миссис Мелони созрывает замечательный план: — ее соотечественники, американцы, должны преподнести Марии Кюри — грамм радия.

Вернувшись в Нью - Йорк, она пробует уговорить десять американских миллиардеров, чтобы каждая из них дала - бы по десяти тысяч долларов, — на покупку этого подарка. Попытка не имела успеха: она нашла только трех меценатов, согласившихся на подобный жест...

И вдруг ей приходит мысль:

Почему, собственно, искать десять богатых женщин? Разве нельзя открыть подписку среди всех вообще американских женщин?

В Америке не бывает ничего невозможного. Миссис Мелони создает комитет с несколькими видными именами. Сама она ведет пропаганду в пользу «Национального фонда для покупки радия — подарка Марии Кюри», во всех городах Нового света.

Не прошло и одного года со времени визита миссис Мелони к «женщинам, одетой в черное шерстяное платье», и она пишет Марии Кюри: «Деньги найдены, грамм радия принадлежит вам!»

Американские женщины оказали Марии «широкий жест». Но взамен они просят — очень ижно и дружно:

См. предыд. ном. «Ил. Россин».

— Почему бы вам не приехать сюда? Нам так хотелось бы увидеть вас!...

Мария колеблется. Она попрежнему — не люdim и особенно боится толпы. Пышность американских приемов, которая всем известна, и сопровождающая их громкая кампания в печати, пугают ее. От одной мысли об этом она приходит в ужас.

Но миссис Мелони настаивает, стараясь всеми силами развеять ее страхи и опасения.

— Вы говорите, что вы не хотите разстаться с вашими дочками? Но мы приглашаем их тоже. Вас могут утомить празднества? Но мы выработаем такую программу приемов, которая потребует наименьшей затраты сил с вашей стороны. Приезжайте!... Мы вам устроим замечательную поездку... и грамм радия будет вам вручен в Белью Доме, самим президентом Соединенных Штатов лично.

Мария тронута. Она подавляет в себе сомнения и первый раз в жизни (а ей уже 54 года) она принимает на себя тягостную, официального турне.

Ее дочери, разумеется, в восторге от предстоящего предприятия и живо готовятся к предстоящей поездке. Ева заставляет мать купить себе одно или два платья и убеждает ее оставить в Париже ее излюбленные туалеты — выцветшие и запыленные.

Вокруг Марии Кюри — все в движении. Газеты описывают церемонии, которые ожидают Марию по ту сторону Атлантического океана; учреждения ищут способа, каким образом наскоро наградить Марию Кюри какими - нибудь знаками отличия, которые соответствовали бы ее мировой славе. Американцам вообще не понятно, как это такая ученая, как Мария Кюри, не является членом Французской Академии; еще больше им непонятно, как это она не имеет даже ордена Почетного Легиона.

Наскоро предлагают Марии крест Почетного Легиона, но она во второй раз отклоняет это. Впоследствии, по ее ходатайству — кавалерская лента Почетного Легиона предоставляется миссис Мелони.

По инициативе журнала «Же се ту» в честь Марии Кюри устанавливается 27 февраля 1921 года прощальный банкет в Оперу — в пользу «Института радия».

Леонь Берар, профессор Жань Перрен, доктор Клод Рего, произносят речи. Банкет сопровождается большою художественною программой с участием самых знаменитых артистов и музыкантов Сара Бернар, уже престарелая, и Люсьен Гитри принимают также участие в этом чествовании.

Спустя несколько дней Мария Кюри уже на борту «Олимпика». Об ее дочери совершают путешествие вместе с нею. У всех трех женщин вместе — один единственный чемодан для всех их платьев, но он занимают самый большой и самый дорогой «апартамент» на пароходе. Скромная

Мария, не привыкшая к роскоши, чувствует себя крайне стесненной в этой богатой обстановке.

Нью - Йорк, величественный, грандиозный предстает пред глазами путешественниц строгими линиями своих высоких контуров в тумане раннего утра.

Миссис Мелони подготавливает Марию к тому, что толпа журналистов, фотографов и кино - операторов ждет ее. На набережной столпилось огромная масса народа, с любопытством ожидающая приезда ученой. Пять часов стоят эти люди на ногах, привлеченные газетными статьями, называющими Марию «благотельницей рода человеческого». Батальоны студенток и скауток, а также делегация из трехсот женщин с белыми и красными розами в руках, стоять, выстроившись у схода с трапа.

Эти триста женщин с цветами — представительницы польских организаций в Соединенных Штатах. Флаги, американские, французские и польские, развеваются повсюду над многотысячною толпою, теснящею плечо о плечо на набережной.

На верхнем мостике «Олимпика» устанавливают для Марии кресло. С нее сняли ее шляпу, забрали ее ручную сумку — она уже во власти фотографов. Со всех сторон доносятся их крики: «Смотрите, м-м Кюри, сюда! Поверните голову направо! Опустите голову! Смотрите сюда! Сюда! Сюда!...» Десятки объективов фотографических и кинематографических аппаратов, выстроенных в полукруг, скользят по лицу бедной Марии, выражающему растерянность и испуг.

Ирен и Ева служат личными телохранителями своей матери в течение этих не легких, напряженных недель. Две молодые девушки, совершающие по Америке путешествие в специальных вагонах, принимающие участие в обедах на 500 кувертов, оглушаемые овациями толпы и всегда осаждаемые газетными репортерами, не могут, конечно, составить себе настоящего понятия о новой огромной стране. Чтобы проникнуть в настоящий дух большой страны требуется обстановка более спокойная. Но зато эта поездка открывает им глаза на собственную мать. Успехи, которые делала всегда Мария Кюри, чтобы быть всегда в тени, достигли во Франции почти полного успеха. Мария сумела приучить своих соотечественников, вплоть до ее самых близких, что большой ученый — не такая уже важная особа. С прибытием в Нью - Йорк завеса спала с глаз девочек: Ирен и Ева вдруг обнаружили, что скромная женщина, под которой протекала их жизнь, в глазах мира — особа величайшего зна-

К Ю Р И

КЮРИ

России

чения. Каждая рѣчь, каждое движеніе толпы, каждая статья въ газетахъ, приносили имъ свидѣтельство этого. Прежде чѣмъ познакомиться лично съ мадамъ Кюри, американцы создали вокругъ нея настоящій культъ, выдвинувъ ее въ первые ряды среди смертныхъ.

Я далека отъ претензій высказывать сужденія о цѣлой націи: я не стану судить объ Америкѣ по газетнымъ заголовкамъ. Но тотъ взрывъ энтузіазма, съ какимъ мужчины и женщины Соединенныхъ Штатовъ встрѣчали Марію Кюри — развѣ онъ не былъ выраженіемъ глубокаго чувства?

Американцы, извѣстные своимъ практическимъ духомъ, какъ это ни странно, являются одновременно и носителями идеализма и «сентимента». У ногъ Маріи Кюри бушевало глубокое чувство. Мадамъ Кюри, стоящая на высокомъ пьедесталѣ славы, обогатившая науку своими замѣчательными открытіями, до извѣстной степени, несомнѣнно, вызывала въ Америкѣ къ себѣ любопытство.

Но не одно любопытство могло породить этотъ взрывъ массоваго энтузіазма, проявившагося во взрывахъ восторга и восхищенія. Кромѣ великой ученой — американцевъ плѣняли въ ней стойкость, съ которой вынесла эта женщина на своихъ плечахъ тяжелую борьбу, безкорыстность ея труда, жертвенность ея подвига, отреченіе отъ личныхъ радостей и благъ и т. д.



На квартирѣ миссисъ Мелони, заставленной цвѣтами, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ любовью хранилъ садовникъ, спасенный радіемъ отъ рака, и которые предназначались для поднесенія Маріи, — засѣдаетъ «военный совѣтъ», составляющій программу поѣздки. Задача не легкая: всѣ города, всѣ колледжи, всѣ американскіе университеты приглашаютъ Марію къ себѣ.

Медали, почетные титулы, дипломы на докторское званіе, «гонорисъ - кауза», поступаютъ дюжинами.

— Вы, конечно, привезли съ собой вашу университетскую тогу? — осведомляется у Маріи миссисъ Мелони, — для этихъ церемоній она необходима...

Марія крайне смущена этимъ вопросомъ. По ея лицу пробѣгаетъ сконфуженная улыбка... Она не привезла съ собою университетской тоги, и притомъ по той простой причинѣ, что у нея ея никогда не было...

— Но профессора Сорбонны должны — же имѣть тогу...

— Да, но мадамъ Кюри, единственный профессоръ женскаго пола, предоставила мужчинамъ однимъ украшать себя этимъ туалетомъ.

Наскоро отыскиваютъ портного, который на горячую руку мастерить ей величественное одѣяніе изъ чернаго шелка съ бархатными отворотами, которые предназначаются для помѣщенія на нихъ знаменъ отличія, связан-



Марія Кюри, при прибытіи въ Нью - Йоркъ, подѣ обстрѣломъ фотографовъ и кино - операторовъ.

ныхъ съ почетными званіями. Во время приѣздовъ Марія очень нервничаетъ, обнаруживаетъ большое нетерпѣніе, придираясь то, что рукава стѣсняють ее, то что матеріалъ слишкомъ тяжелый, и что вообще шелкъ очень раздражаетъ ея болѣзные пальцы, обожженные радіемъ. Наконецъ, 13 мая все закончено. Послѣ завтрака у миссисъ Карнеги и короткаго осмотра Нью - Йорка, мадамъ Кюри, миссисъ Мелони, Иренъ и Ева отправляются въ путешествіе.



Ряды выстроившихся интеллигентовъ вдоль залитыхъ солнцемъ дорогъ молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, тысячи дѣвушекъ, бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ по дугамъ на встрѣчу автомобилю, въ которомъ слѣдуетъ Марія Кюри, тысячи такихъ же дѣвушекъ, вооруженныхъ флагами и цвѣтами, съ энтузіазмомъ кричащихъ «ура», — или поющихъ хоромъ — это тѣ видѣнія, которыя проходятъ предъ глазами взволнованной Маріи въ первые дни поѣздки, посвященные посѣщенію женскихъ колледжей.

Это была прекрасная идея, именно, въ первые дни Марію погрузить въ атмосферу юнаго энтузіазма, среди студентокъ, гдѣ она чувствовала себя въ своей сферѣ. Черезъ недѣлю делегации отъ всѣхъ этихъ колледжей будутъ дефилировать предъ нею, въ Карнеги - Холлѣ въ Нью - Йоркѣ, въ грандіозной манифестаціи, устраиваемой въ ея честь Ассоціаціей американскихъ женщинъ - университетокъ.

Склоняясь предъ Маріей, онѣ поднесутъ ей по одному стеблю лиліи и по одной розѣ — называемой «американская красота». Въ присутствіи цвѣта всей американской профессу-

ры, послы Франціи и Польши (Игнатія Падаревскаго, пришедшаго привѣтствовать товарища далекихъ дѣтскихъ лѣтъ) мадамъ Кюри преподносятся титулы, преміи, медали и т. д.

На слѣдующій день, во время торжественной церемоніи, когда пятьсотъ семьдесятъ три представителя американскихъ ученыхъ обществъ собираются въ «Валдорфъ - Асторія», чтобы чествовать Марію, она чувствуетъ себя уже вялою, уставшей. Среди оживленной толпы, среди людей здоровыхъ, бодрыхъ, Марія, слабая и измученная, только что покинувшая свой монастырь, послѣ упорной неравной борьбы, чувствуетъ себя здѣсь не на мѣстѣ. Шумъ привѣтствій оглушаетъ ее. Обращенные на нее безчисленные взоры приводятъ ее въ страшное смущеніе, граничащее съ ужасомъ. И въ особенности это множество людей, которые всюду толпятся по пути ея слѣдованія... Она боится быть раздавленной въ этомъ содомѣ.

Одна фанатичная поклонница своимъ «экзальтированнымъ» рукопожатіемъ въ скоромъ времени такъ повредитъ ей руку, что знаменитая ученая вынуждена будетъ съ распухшею и забинтованною рукою прекратить свое путешествіе — въ самый разгаръ восторженнаго приѣма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Zanov
GRAIN de VALS

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

ЧАСТЬ 5 *)

Астма.

Астма характеризуется периодическими приступами затруднительного дыхания. Причины, вызывающие астматический приступ, бывают различные: катарр носоглотки и бронхов, бо́лезни гортани и легких, бо́лезни печени и обмена веществ, но самая частая форма астмы — нервная.

Приступ астмы чрезвычайно мучителен. Характерно выражение лица, отражающее ужас, губы и края носа имѣют рѣзкую синюшную окраску, вены на шеѣ набухают, глаза выпячиваются, холодный потъ, а ощущение у больного, что «это конец».

Но къ счастью для астматиковъ, это ощущение конца — ощущение ложное. Больной долженъ помнить, что астматический приступ, даже самый сильный и самый мучительный, никогда не даетъ смертельнаго исхода.

Патологически — астматический приступ «въ чистомъ видѣ» является слѣдствиемъ внезапнаго расширения бронхіальныхъ путей. Одновременно съ расширеніемъ, слизистая оболочка, покрывающая внутри бронхіальные пути, выделяетъ большое количество густой и вязкой слизи, что механически затрудняетъ прохожденіе воздуха.

Публика обычно смѣшиваетъ двѣ совершенно различныхъ бо́лезни: астму и грудную жабу.

Грудная жаба — бо́лезнь сердца, являющаяся результатомъ склероза артерій самого сердца. Приступъ грудной жабы характеризуется рѣзкой болью въ области сердца, лѣв. плеча и лѣвой руки, губы и ногти синіе, нѣсколько затрудненное дыханіе происходитъ отъ плохой дѣятельности сердца.

Во время приступа бронхіальной астмы, огромное значеніе имѣетъ нервное и психическое состояніе больного. Для поясненія это го момента приведу примѣръ, описанный профессоромъ Клемпереромъ. Проф. Клемпереръ, будучи еще молодымъ студентомъ, страдалъ приступами астмы. Однажды онъ пріѣхалъ въ маленький городъ, по дѣламъ студенческой корпораціи, цѣлый день онъ много работалъ, нервничалъ, а вечеромъ, съ трудомъ найдя комнату въ отелѣ, едва добравшись до постели — быстро заснулъ. Среди ночи онъ проснулся отъ ужасающаго приступа астмы, сталъ искать спички, — спичекъ нѣтъ; тогда въ полной темнотѣ онъ бросился къ окну, но окна открыть никакъ не могъ, тогда онъ схватилъ какой то предметъ со стола, разбилъ стекло и жадно втянулъ струю «свѣжаго воздуха» — приступъ удушія мгновенно прекратился. Утромъ онъ проснулся съ тягостнымъ чувствомъ. Разбитое стекло, квартирная хозяйка, — не хватить денегъ».. Но къ его изумленію всѣ стекла въ окнѣ оказались цѣлы. Неужели это былъ кошмаръ? но, вѣдь, онъ такъ ярко помнить тотъ моментъ, когда онъ втянулъ въ себя струю «свѣжаго воздуха» изъ разбитаго окна; въ этотъ моментъ онъ повернулъ голову и увидѣлъ зеркальный шкафъ съ разбитымъ стекломъ. Онъ открылъ шкафъ, — тамъ были старыя газеты, пыль, паутина, а на нижней полкѣ мышиное гнѣздо — на него повѣяло запахомъ затхлости и пыли. «Свѣжій воздухъ» оказался самовнушеніемъ.

Первая помощь, до прибытія врача слѣдующая: нужно освободить больного отъ всѣхъ стѣсняющихъ частей одежды, открыть окно, больного посадить, т. е. это облегчаетъ дыханіе, на грудь и спину — горчичники. Одновременно рекомендуется сдѣлать горячую ножную ванну и дать больному вдыхать паръ. Врача нужно вызвать срочно.

Различныя куренія, папиросы для астматиковъ, и т. п., все это помогаетъ только въ случаѣ очень слабаго приступа. Единственно, что прекращаетъ сильный астматический приступ, — это впрыскиваніе 2 - 3 куб. сант. Адреналина *) въ растворѣ 1 на 1000. Существуетъ огромное количество препаратовъ для астматиковъ, подъ различными названіями, но дѣйствующее начало одно — Адреналинъ.

**

Печеночная колика **)

Печеночная колика — это периодическіе приступы, чрезвычайно мучительнаго характера, бывающіе у больныхъ, страдающихъ желчными камнями. Боли зависятъ отъ прохожденія желчныхъ камней черезъ протоки, по которымъ проходитъ желчь. Боли начинаются въ верхней части живота съ правой стороны, у края нижнихъ реберъ, а черезъ нѣкоторое время боль распространяется на правую часть спины, правую лопатку и плечо. Иной разъ боли сопровождаются рвотой и повышеніемъ температуры.

Первая помощь до прихода врача слѣдующая: больного необходимо раздѣть, уложить въ постель, положить грѣлку (бутылку съ горячей водой, нагрѣтую тарелку, завернутую въ мохнатое полотенце или нагрѣтый песокъ, золу или соль, насыпанную въ наволочку). Грѣлку кладутъ на правую верхнюю часть живота, захвативъ нижнія ребра. Дать пить очень горячій чай.

Рекомендуется сдѣлать клизму изъ настоя ромашки или теплаго прованскаго масла.

Вызвать врача необходимо.

**

Почечная колика

Почечная колика — это приступъ невѣроятныхъ болей, вызываемыхъ прохожденіемъ

камней или песка изъ почекъ въ мочевой пузырь черезъ мочеточникъ *). Припадокъ начинается съ острой боли въ области поясницы и лѣвой или правой части живота (въ зависимости, идетъ ли камень изъ правой или лѣвой почки). Потомъ боль переходитъ въ область паха, мочевого пузыря, половыхъ органовъ и внутр. части бедра. Боль нестерпимая, приступъ продолжается отъ нѣсколькихъ минутъ до 2 - 3 часовъ, но иной разъ затягивается и на нѣсколько дней.

Первая помощь: немедленно посадить больного въ горячую ванну, добавляя все время горячую воду и держать больного въ ваннѣ до прибытія врача. Одновременно рекомендуется давать больному пить какъ можно больше воды. Если нѣтъ ванны, то на соответствующую часть живота и поясницы кладутъ грѣлки.

Врача нужно вызвать срочно и предупредить его, чтобы онъ захватилъ морфій и шприцъ.

Д-ръ Н. П. Хмѣлевскій.

(Продолженіе въ № 12 «Ил. Россіи»).

Медицинскій почтовый ящикъ

Зейфертъ. — 1) Нѣтъ. 2) Признаки заворота кишекъ — каловая рвота. Въ такихъ случаяхъ необходима операція въ ближайшіе часы. Каждый пропущенный часъ уменьшаетъ шансы спасти больного.

Р—ой. — При кровохарканіи: уложить, полный покой (физическій и моральный). Внутрь — хлористый кальцій, глотать маленьк. кусьла; Hydrastis Canadensis 20 - 30 капель на пріемъ (до 100 к. въ день); желатина; Arhémapective — въ ампулахъ внутр и внутривенно.

Галаховой (Польша); Сурикову (Сербія); Ашкинзону (Литва); Рейзemannу (Палестина); Иглицкой (Латвія); Рыбакъ, Михайлову - Циликъ и Дигаевъ. — Отвѣтилъ лично.

Д-ръ Н. П. Х.

*) Подробности см. 50 ном. «Ил. Россіи», за 1937 г.

*) См. «Ил. Россію», ном. 2, 4, 6 и 8: «Отравленія, ожоги, мнимая смерть, сотрясеніе мозга, алоплектический ударъ, эпилепсія, истерія, соли. и тепл. ударъ и пораженіе электрическимъ токомъ» и пр.

*) Адреналинъ — вытяжка изъ надпочечной железы.

**) См. ном. 46 «Ил. Росс.» за 1937 г. Очеркъ д-ра Н. Хмѣлевскаго. «Печень».

Цвѣтнокожіе христіане

Дѣти Азіи и Африки -- второе поколѣніе
новообращенныхъ въ христіанство туземцевъ



1) На паперти католической церкви въ Японіи. 2) Въ африканской колоніи. 3) Въ Китаѣ. 4) Негритянка - мать обучаетъ своихъ дѣтей
— какъ надо молиться.



ЗАМЬТКИ РЕПОРТЕРА

— Я люблю жизнь, — говорил Борис Григорьев.

И эта любовь к жизни, ко всему новому, гоняла его из страны в страну, — он всегда был на отлетѣ, всегда искалъ новые лица, новые пейзажи. Въ послѣдніе годы въ Парижѣ онъ сталъ рѣдкимъ гостемъ, — его студія на рю де Саблонъ пустовала. Друзья иногда мѣсяцами о немъ ничего не слышали, и вдругъ приходило откуда-нибудь изъ Нью-Йорка, изъ Чили или съ французской Ривьеры, гдѣ у него была вилла «Борсиелла», длиннѣйшее, хаотическое письмо.

Изъ Чили, гдѣ онъ одно время былъ директоромъ академіи художествъ, онъ писалъ:

— Былъ на Огненной Землѣ. Удивительно напоминаетъ глухіе русскіе уголки.

Чилийская миссія закончилась неудачей. — Живопись его показалась слишкомъ смѣлой, революціонной. Онъ вернулся въ Парижъ, сталъ писать портреты и, въ періоды безденежья, насмѣшливо говорить:

— Были въ Россіи когда-то такіе купчихи. Любили, чтобы съ нихъ портреты писали. Съ гарантіей за сходство. И чтобы браслеты и брошь обязательно на портретѣ были. Хорошо платили! Были художники, что писали и хорошо зарабатывали.

«Купчихъ» въ эмиграціи не оказалось, да Борис Григорьевъ былъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые выписываютъ браслеты на рукахъ... Въ послѣднее время ему жилось трудно и мучила страшная, безвыходная болѣзнь — ракъ печени и желудка. Борис Григорьевъ только на нѣсколько мѣсяцевъ пережилъ другого, — молодого, блестящаго художника — Александра Яковлева.

Въ Лондонѣ сейчасъ рѣшается судьба еврейскаго очага въ Палестинѣ. Откажутся англичане отъ деклараціи Бальфура, или найдутъ какой-нибудь компромиссъ, на который согласится д-ръ Х. Вейцманъ и арабскій муфти?

Въ эти дни не лишне напомнить, при какихъ необычайныхъ обстоятельствахъ родилась бальфуровская декларація. М. В. Вишнякъ рассказываетъ объ этомъ въ своей интересной, недавно выпущенной книгѣ «Докторъ Вейцманъ».

Въ началѣ 16-го года въ Англіи обнаружился недостатокъ древеснаго спирта; изъ древеснаго спирта выдѣлывали ацетонъ, а ацетонъ необходимъ для изготовленія патроновъ и снарядовъ. Ллойд - Джорджъ искалъ талантливаго химика, который помогъ бы разрѣшить задачу... Редакторъ «Манчестеръ Гардианъ» Скоттъ сказалъ, что химикъ такой есть. Фамилія его — Вейцманъ.

Британскій премьеръ пригласилъ къ себѣ никому неизвѣстнаго Вейцмана и объяснилъ, чего онъ ждетъ отъ него. Докторъ Вейцманъ сказалъ, что онъ можетъ добыть ацетонъ ла-

бораторнымъ путемъ, посредствомъ броженія, но для этого понадобится нѣкоторое время...

— Какъ скоро вы можете мнѣ это дать? — спросилъ Ллойд - Джорджъ. — Нужда неотложная.

— Я буду работать днемъ и ночью.

Черезъ нѣсколько недѣль Вейцманъ явился къ Ллойд - Джорджу и сказалъ, что задача имъ разрѣшена. Вейцману удалось найти микроорганизмъ, способный превращать крахмалъ манса въ особую культуру, изъ которой добывался ацетонъ.

— Вы оказали большую услугу государству, — сказалъ Ллойд - Джорджъ представителю сионистской организаціи. — Я хотѣлъ бы просить его величество оказать вамъ какую-нибудь честь.

— Я ничего не хочу для себя.

— Но что могли бы мы сдѣлать въ качествѣ признательности за цѣнную услугу, оказанную вами странѣ? — настаивалъ Ллойд - Джорджъ.

— Да, я хотѣлъ попросить васъ сдѣлать нѣчто для моего народа...

И д-ръ Вейцманъ изложилъ министру свои планы... Ллойд - Джорджъ позже свидетельствовалъ: «Таковъ былъ источникъ и происхождение знаменитой деклараціи о національномъ очагѣ для евреевъ въ Палестинѣ».

На прошлой недѣлѣ, на квартирѣ одного русскаго журналиста около полуночи зазвонилъ телефонъ.

— Простите, что я беспокою васъ такъ поздно... Вы спали?

— Спалъ.

— Ахъ, какъ досадно... Я только что выигралъ въ бриджъ небольшую сумму. Дуррацкій выигрышъ, который меня совершенно не интересуетъ. И я хотѣлъ бы употребить эти деньги на какое-нибудь доброе дѣло.

Журналистъ возмущался, — что за наглость будить незнакомаго человѣка въ полночь, чтобы посоветоваться съ нимъ, какъ использовать карточный выигрышъ?! Но въ этотъ моментъ онъ вспомнилъ объ одной бѣдной женщинѣ, жаловавшейся на то, что она замерзаетъ съ дѣтьми отъ холода, такъ какъ уже двѣ недѣли печь, за неимѣніемъ угля у нея, не топится.

— Пошлите этой женщинѣ мѣшокъ угля!

На слѣдующій день женщина прибрѣжала въ редакцію. — благодарить.

— За что?

— Какъ же? Вчера я сказала вамъ, что мнѣ нуженъ уголь... А сегодня въ 7 час. утра меня разбудилъ угольщикъ. Но зачѣмъ вы прислали такъ много? Десять мѣшковъ! Въѣдъ этого на годъ хватитъ! Я спрашивала угольщика, кто прислалъ, — но онъ и самъ толкомъ не знаетъ. Я такъ и поняла, что это — вы...

Въ иностранныхъ газетахъ промелькнула замѣтка:

— Княгиня Ильинская, американка по рожденію, выходитъ замужъ за кн. Дмитрія Джоржадзе.

Русскій читатель напрягаетъ память и не можетъ вспомнить. Княгиня Ильинская, да еще — американка? Вѣроятно, — какая-то очередная клюква...

Нѣтъ, не клюква. Рѣчь идетъ, дѣйствительно, о сказочно богатой американкѣ, на которой женился въ Биаррицѣ вел. кн. Дмитрій Павловичъ. Титулъ ея, такъ сказать, эмигрантскаго происхожденія. Но это не мѣшаетъ ей очень гордиться своей княжеской короной.

Дмитрій Павловичъ получилъ разводъ въ концѣ 1937 г. Кн. Джоржадзе, также женатый на американкѣ, получаетъ разводъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Вѣнчаніе состоится на рю Дарю. А затѣмъ молодожены уѣдутъ въ великолѣпный замокъ подъ Шантийи, который кн. Ильинская приносила въ приданное своему второму мужу.

Въ Парижѣ существуетъ нѣсколько русскихъ гадалокъ и «ясновидящихъ». Ремесло не Богъ вѣсть какое интересное, но карты и кофейная гуща все же кормятъ... Недавно съ одной такой «индусской гадалкой», болѣе извѣстной въ кругу знакомыхъ подъ именемъ Марьи Ивановны, произошелъ не совсѣмъ обычный случай.

Явился въ пріемные часы молодой французъ. Марья Ивановна взглянула на посетителя и сразу прикинула въ умѣ: должно быть, что-то по «женскому интересу». Жена или любовница сбѣжала, не иначе... Имѣть дѣло съ французами Марья Ивановна не любитъ, — кто ихъ разберетъ! Но бываетъ, что и французы заходятъ: кто-нибудь изъ русскихъ кліентовъ прислалъ.

Разложила карты. Вышли дама, треновый тузъ, еще какая-то чепуха... Марья Ивановна заговорила, — больше всего насчетъ дамы. Ну, конечно, очень утѣшительное. Французъ вдругъ ее прерываетъ:

— Вы лучше скажите мнѣ, мадамъ, кто я?

Гадалка офѣннула.

— Будущее могу предсказать... А насчетъ прошлаго и настоящаго — не берусь.

— А свое будущее вы знаете?

— Знаю, конечно.

— Если бы знали, вы бы мнѣ не стали гадать. Я — полицейскій инспекторъ. Пришелъ, я собственно, для того, чтобы составить протоколъ. Я могъ бы составить даже два протокола: за незаконное занятіе гаданіемъ (!) и за обманъ кліентовъ. Какая же вы ясновидящая, если сразу меня не разгадали?!

Марья Ивановна теперь съ трепетомъ ждетъ вызова въ судъ и вздыхаетъ:

— Охъ, знаю я мое будущее, знаю. И безъ картъ ясно... Желѣзная Маска.



Общий видъ только что построеннаго храма въ Сень - Женевьевъ - де - Буа.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЭМИГРАЦИИ

ХРАМЪ УСПЕНИЯ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ ВЪ СЕНЬ - ЖЕНЕВЬЕВЪ - ДЕ - БУА

Благодаря жертвенному сочувствію русской эмиграции къ предпринимаемому руководимымъ мною строительнымъ комитетомъ святому дѣлу сооруженія рядомъ съ русскимъ С. - Женевьевскимъ кладбищемъ храма Успения Пресвятыя Богородицы — перваго во Франціи кладбищенскаго храма, постройка этого храма, какъ о томъ свидѣлствуетъ печатаемый рядомъ послѣдній фотографическій снимокъ, близка къ окончанію и все позволяетъ надѣяться, что скорѣе Господь позволитъ намъ освятить этотъ храмъ.

На поступившія въ строительный комитетъ пожертвованія въ суммѣ 95.000 фр. приобретена земля (8.000 фр.), 82.000 фр. уплачены французскому подрядчику въ счетъ договоренной съ нимъ за постройку храма платы (128.600 фр.), 2.500 фр. израсходованы на матеріалъ для сооруженія иконостаса, престола и жертвенника, 800 фр. уплачено за позолоту креста и 500 фр. внесено обществу «Икона», которому данъ заказъ на иконы для иконостаса.

Сейчасъ приступлено къ внутреннему оборудованію Храма, къ сооруженію иконостаса, престола и жертвенника, къ изготовленію иконъ и къ приобретенію всей необходимой церковной утвари. А затѣмъ предстоитъ еще сооруженіе звонницы и домика для на-

стоятеля и сторожа при храмѣ. На все это необходимы новыя средства и прежде всего, 25.000 франковъ для уплаты очереднаго взноса подрядчику - строителю.

Принося глубокую благодарность русской эмиграции за ея сердечный откликъ на мои призывы, архитектору - художнику А. А. Бенуа за его безвозмездный жертвенный трудъ по руководству всей постройкой и обѣщанію имъ росписи фресками внутреннихъ стѣнъ храма, и всѣмъ жертвователямъ и жертвовательницамъ, изъявившимъ готовность безвозмездно даровать многое количество цѣнные предметы церковной утвари, я вновь обращаюсь къ русской эмиграции съ горячей просьбой помочь мнѣ и строительному комитету успѣшно завершить начатое нами святое дѣло сооруженія храма, имѣющаго исключительное духовное и историческое значеніе. Напоминаю также всѣмъ, получившимъ въ свое время отъ меня подписные листы для сбора, о необходимости срочно ихъ вернуть.

Денежныя и вещевыя пожертвованія прошу направлять или ко мнѣ лично (12, rue Darc, Парижъ XIII) или къ товарищу председателю и казначею строительнаго комитета, Михаилу Михайловичу Федорову (91, rue Lecourbe, Парижъ XV).

Митрополитъ Евлогіи.

КОНКЛАВЪ

(Окончаніе. Начало см. на стр. 11).

Съ кардиналами заточеніе раздѣляютъ два «приходскихъ священника» для свершенія мессы и духовникъ, два аптекаря, два эконома, завѣдующій кантиной, шесть судомоевъ, архитекторъ, каменщикъ, стояръ, водопроводчикъ, кузнецъ, три пожарныхъ, три парикмахера и проч. Всѣ эти участники конклава, кромѣ самихъ кардиналовъ, называются «конклавистами». Къ нимъ присоединяется также нѣсколько офицеровъ «дворянской стражи» и небольшой отрядъ гвардейцевъ для несенія внутренней караульной службы и отданія почестей.

Пища для кардиналовъ и конклавистовъ, разумеется, готовится тутъ же, на специально оборудованной кухнѣ: — обычно на ней работаютъ въ качествѣ «кухарокъ» монахини монастыря Сень - Венсанъ - де - Поль. Питаніе членовъ конклава также было строго регламентировано въ конституціи папы Григорія X. Такъ, напримѣръ, было обусловлено, что если кардиналы не достигнутъ результата и не изберутъ папу на 3-й день, они, начиная съ четвертаго дня, будутъ получать лишь по одному блюду къ обѣду и ужину. Если и слѣдующіе три дня не дадутъ результата, кардиналы смогутъ получать лишь хлѣбъ, вино и воду. Само собой разумеется, это постановленіе за семьсотъ лѣтъ подверглось ряду смягченій и весьма широкимъ толкованіямъ и сейчасъ кардиналы не рискуютъ остаться на шестой день конклава «безъ обѣда» на хлѣбѣ и водѣ.

Всѣ конклависты находятся въ полномъ подчиненіи и распоряженіи у наследственнаго маршала конклава, князя Киджи. Тотчасъ же послѣ смерти папы, князь Киджи вывѣшиваетъ въ Ватиканѣ свой штандартъ, что

служитъ символомъ его власти. На князѣ Киджи лежитъ также обязанность руководить всѣми приготовленіями къ конклаву: — постройкой келій для кардиналовъ, приспособленіемъ помѣщеній для конклавистовъ и т. д. Самъ онъ, однако, въ конклавъ не входитъ. По точному смыслу исторической традиціи, онъ является «стражемъ» конклава, и главной его обязанностью является наблюдать снаружи за тѣмъ, чтобы кардиналы не имѣли общенія съ вѣншнимъ міромъ. Еще не такъ давно наблюденіе за этимъ было такъ строго, что маршалъ конклава лично осматривалъ провизію, доставляемую въ конклавъ: — пища должна быть выпотрошена, а фрукты разфранены, дабы чья нибудь неблагонравная рука не смогла послать «съ воли» заключеннымъ кардиналамъ какой-нибудь записочку, смущающую ихъ покой и повліять на ихъ рѣшеніе. Теперь, конечно, многое изъ бывшихъ традицій уничтожено и упрощено, но роль князя Киджи все же остается чрезвычайно важной и попрежнему весьма живописной; замѣтимъ, кстати, что носитъ онъ во время конклава особый средневѣковый костюмъ изъ чернаго бархата.

Именно онъ запираетъ дверь конклава на три замка, и у него хранятся ключи отъ этихъ замковъ. Отъ него — же, въ извѣстной степени зависить рѣшеніе допустить на конклавъ запоздавашаго кардинала: — въ этомъ году есть опасенія, что опоздать можетъ бостонскій кардиналъ О-Коннель, несмотря на то, что часть пути онъ дѣлаетъ на аэропланѣ. Въ случаѣ прибытія запоздавашаго, маршалъ трижды стучитъ въ дверь конклава, и когда ему ее отворяютъ, онъ сообща-

етъ о прибывшемъ. И если кардиналы согласятся принять его, новоприбывшій входитъ. Но теоретически князь Киджи можетъ отказать стучать въ дверь.

Для работъ конклава отводится обширное помѣщеніе въ Ватиканѣ съ Сикстинской и Паулинской капеллами, галлереями Рафаэля, частью личныхъ апартаментовъ папы и даже нѣсколькими другими частными квартирами: — въ этомъ году для конклава долженъ былъ освободить свою квартиру духовникъ папы монсеньоръ Вигоне. Во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ (кромѣ Сикстинской капеллы, гдѣ происходитъ голосованіе) должно быть оборудовано 62 «келіи» для кардиналовъ, изъ снито.

Въ этой области тоже многое измѣнилось. Первоначально всѣ келіи должны были находиться рядомъ — онѣ строились обычно въ галлереяхъ Рафаэля — и раздѣлены между собою лишь шерстяными занѣсами, такъ, чтобы каждое слово, сказанное въ одной келіи, было слышно въ другой. Съ теченіемъ времени, келіи становились все обширнѣе и комфортабельнѣе, но еще въ прошломъ вѣкѣ онѣ всѣ помѣщались въ галлереяхъ Рафаэля. Теперь «келія» представляетъ собой, въ сущности, небольшую квартиру изъ трехъ комнатъ: спальни кардинала, комнаты для его секретаря и комнаты для слуги. Въ галлереяхъ Рафаэля располагается теперь лагерь «благородной гвардіи». А два кардинала, обычно живущихъ въ Ватиканѣ, вообще останутся въ своихъ квартирахъ.

Одинъ изъ нихъ — кардиналъ Маріани, «министръ финансовъ» Святого Престола. Правда, у него, въ квартирѣ будетъ оборудовано еще двѣ келіи. Другой — кардиналъ Пачелли, государственный секретарь папы, его «первый министръ» и, согласно много

разъ выраженному Пием XI желанию, наиболее любезный его сердцу преемник. Вряд ли, однако, это желание почившего папы будет осуществлено: — въ истории папства за послѣднія столѣтія было мало случаевъ, чтобы на папскій тронъ избирался кардиналъ — «дипломатъ». А кардиналъ Пачелли считается однимъ изъ лучшихъ и изощренѣйшихъ знатоковъ дипломатическаго искусства.

Во время конклава келіей кардиналу Пачелли будетъ служить его собственная «министерская квартира».

Занята подъ келіи даже часть личныхъ «апартаментовъ» папы. Замѣтимъ кстати, что Пій XI, будучи кардиналомъ Ратти на конклавѣ 1922 года, получилъ въ качествѣ келіи именно эти апартаменты, и такъ и оставилъ ихъ за собой, ставъ папой.

Все помѣщеніе, занятое конклавомъ, будетъ заперто и сношенія съ вѣнскимъ міромъ (въ частности доставка провизіи) будетъ производиться при помощи двухъ специально сооружаемыхъ вращающихся башенокъ, на подобіе тѣхъ, какія существуютъ въ особо строгихъ монастыряхъ. Мы говорили, что многія строгости, существовавшія раньше, теперь отменены. Замѣтимъ, что именно въ этомъ году онѣ будутъ вновь усилены. Такъ, напримѣръ, кардиналы постановили всѣ окна, выходящія наружу, закрывать наглухо и стекла ихъ заклеить матовой бумагой. Возможно, что въ этомъ году кардиналы особенно бояться воздѣйствія извнѣ и князь Киджи придется удвоить свою бдительность.

Самое избраніе папы происходитъ въ знаменитой Сикстинской капеллѣ, этой жемчужинѣ Ватикана, построенной папой Сикстомъ IV въ 1471 году и украшенной впоследствии безсмертной фреской Микельанджело «Страшный судъ». Происходитъ оно такъ.

Въ день открытія конклава — въ этомъ году, 28 февраля — кардиналы, уже устроившіеся предварительно, въ своихъ кельяхъ, собираются въ Паулинской капеллѣ и отсюда, въ торжественной процессіи, съ пѣніемъ гимна Духу Святому, направляются въ Сикстинскую капеллу. Въ этой процессіи принимаютъ участіе не только конклависты, но также и многочисленные приглашенные, дипломатическіе представители; могутъ быть здѣсь и нездѣшніе журналисты, ибо конклавъ еще не открытъ. Только послѣ общей присяги въ Сикстинской капеллѣ наступаетъ торжественный моментъ. Кардиналъ — камерлингъ звонитъ въ колоколъ три раза и возглаголяетъ «*extra omnes!*» — изыдите всѣ! Всѣ, не причастные къ конклавистамъ должны немедленно покинуть капеллу: — надо полагать, что приняты всѣ соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы какой-нибудь приткый журналистъ не запрятался гдѣ-нибудь и не остался среди конклавистовъ.

Когда посторонніе удалены, кардиналъ — камерлингъ запираетъ дверь конклава изнутри на три замка. Тоже дѣлаетъ снаружи князь Киджи. Въ этотъ моментъ конклавъ считается начавшимся.

Въ первый день голосованія обычно не происходитъ. Лишь на слѣдующее утро, послѣ мессы и причастія въ Паулинской капеллѣ, кардиналы собираются въ Сикстинской капеллѣ и приступаютъ къ голосованію.

Первые туры бываютъ, обычно, предварительными: — они намѣчаютъ главныхъ кандидатовъ. Послѣ голосованій, которыя происходятъ два раза въ день — въ 9 час. утра

и 1 часть дня, — кардиналы обмѣниваются мнѣніями «въ кудуарахъ» — этихъ несравненныхъ ватиканскихъ галлереяхъ, украшенныхъ безсмертными твореніями Микельанджело, Рафаэля, Боттичелли, Перуджіо и другихъ.

Лишь на второй или третій день начинается главное голосованіе.

Кардиналы сидятъ по стѣнамъ капеллы въ своихъ креслахъ съ небольшими балдахинами. Передъ каждымъ изъ нихъ — небольшой столъ съ письменными принадлежностями и горящая свѣча. Заполнивъ избирательный бюллетень, кардиналъ запечатываетъ его сургучемъ надъ горящей свѣчей, ставитъ свою печать и отправляется къ алтарю. Тамъ стоитъ чаша, служащая избирательной урной. Сверхъ колено преклоненію молитву, кардиналъ опускаетъ бюллетень и удаляется на свое мѣсто, уступая очередь другому. Легко подсчитать, что голосованіе 62 кардиналовъ должно занять добрый часъ.

Когда бюллетени подсчитаны тремя особыми кардиналами — секретарями, объявляется результатъ. Если ни одинъ кандидатъ не собралъ двухъ третей голосовъ, и, значитъ, избраніе не состоялось, записки сжигаются въ особой маленькой печкѣ, стоящей за алтаремъ. При этомъ въ печку кладется сырая солома, чтобы при сгораніи бюллетеней шелъ густой, черный дымъ. Этотъ дымъ служитъ сигналомъ для толпы, обычно стоящей въ моменты голосованія на площади передъ Ватиканомъ. Когда голосованіе дастъ результатъ, кандидатъ получитъ двѣ трети голосовъ, и папа избранъ — бюллетени также сжигаются, но при этомъ солома не подкладывается, дымъ выходитъ бѣлый и толпа разражается радостными кликами: папа избранъ.

Между тѣмъ, когда въ конклавѣ становится извѣстно имя избранника, къ нему приближается старшій кардиналъ и сообщаетъ объ избраніи.

Онъ спрашиваетъ его по латыни — на этомъ языкѣ вообще ведется весь конклавъ: — согласенъ ли онъ принять тиару и какое имя приметъ на тронѣ. Какъ только отвѣтъ полученъ, всѣ кардиналы опускаютъ балдахины надъ своими креслами. Вновь избраннаго папу приглашаютъ въ ризницу, гдѣ онъ долженъ надѣть новую, папскую бѣлую сутану. Замѣтимъ, что ватиканскими портными готовится на этотъ случай три бѣлыхъ сутаны разныхъ размѣровъ. Возвратившись въ капеллу, новый папа принимаетъ поздравленія отъ кардиналовъ, причемъ они, въ знакъ преданности, цѣдуютъ ему руку и кончикъ туфли.

Здѣсь же папѣ подносится «перстень рыбака» съ личной печатью — знакъ его власти. А затѣмъ, въ торжественной процессіи новаго папу, уже со всѣми атрибутами его сана, съ опахалами позади, несутъ въ соборъ Св. Петра, гдѣ онъ принимаетъ поздравленія отъ дипломатическаго корпуса и представителей католической знати. Затѣмъ папѣ предоставляется самому выбрать моментъ для благословенія народу.

Папа Пій XI привелъ даже въ нѣкоторое смущеніе кардинала — камерлингга, заявивъ ему уже въ моментъ избранія:

— Я хотѣлъ бы дать мое первое благословеніе съ балкона собора Св. Петра.

Это нѣсколько нарушало порядокъ, но воля папы свята. И первымъ актомъ его служенія на апостольскомъ тронѣ было благословеніе *urbi et orbi* — городу и міру.

Е. Сергѣевъ.

КТО ОНИ?



Бенито Муссолини — въ 20 лѣтъ, въ бытность молодымъ социалистомъ, въ 1904 году въ Лозаннѣ.



Адольфъ Гитлеръ (справа) 26 лѣтъ, въ бытность ефрейторомъ на войнѣ, въ 1916 году.



Президентъ Соед. Штатовъ Франклинь Рузвельтъ, когда ему было 26 лѣтъ.



Англійскій политическій дѣятель Ллойдъ - Джорджъ — 48 лѣтъ тому назадъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ

ИЗЪ РЕДАКЦИОННЫХЪ АЛЬБОМОВЪ
«ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССИИ»



Звѣзда кинематографа Марленъ Дитрихъ — «а ла гарсонъ».



Человѣкъ, который видитъ весь міръ вверхъ ногами.



Устраиваемый ежегодно международный конгрессъ фокусниковъ заканчивается обыкновенно обѣдомъ, на которомъ фокусники показываютъ коллегамъ свои новыя «достиженія». Фотографъ схватилъ моментъ, когда одинъ фокусникъ демонстрируетъ другому свое «достиженіе»: онъ пьетъ воду, а изо рта выпускаетъ безконечную струю дыма.



«Римскій шагъ» — новая форма параднаго марша, введенная въ итальянской арміи.



Общий видь конькобѣжнаго стадіона АСК въ Ригѣ во время состязаній на первенство Европы. Налѣво вдали виденъ храмъ Алексѣвскаго женскаго монастыря.

Международныя конькобѣжныя состязанія въ Ригѣ

4 и 5 сего февраля, впервые въ Ригѣ, состоялся чемпионатъ конькобѣжцевъ на первенство Европы. Въ этихъ состязаніяхъ приняли участіе 28 спортсменовъ 8 государствъ Европы: Германія, Голландія, Латвія, Норвегія, Польша, Швеція, Финляндія и Эстонія.

Участникамъ этого чемпионата предстояло пробѣжать 4 дистанціи на прекрасномъ рижскомъ конькобѣжномъ стадіонѣ АСК, а именно: 300 и 3000 мет. въ первый день и 1500 и 5000 м. — на другой.

Торжественное открытіе этихъ состязаній состоялось въ 2 час. дня въ присутствіи президента Карла Ульманиса, государств. руководителя латвійскаго спорта мин. обществ. дѣлъ А. Берзиня и другихъ членовъ кабинета, дипломатическаго корпуса и иностранныхъ журналистовъ.

Къ сожалѣнію, мягкая погода и атмосферныя осадки весьма затрудняли спортивныя достиженія конькобѣжцевъ. Результаты этого 40-го чемпионата Европы таковы:

Бѣгъ на 500 м. первымъ пришелъ Вазениусъ (Финл.) 45,2 сек.; бѣгъ на 3000 м. первымъ пришелъ Берзинь (Латв.) — 5:15,5. Бѣгъ на 1500 м. — Матисенъ (Норв.) 3:06,9 и, наконецъ, въ бѣгъ на 5000 м. побѣдилъ А. Берзинь (Латв.) — 9:23,9.

Итакъ, чемпиономъ Европы объявленъ Альфонсъ Берзинь (Латвія).

Д. И.

КОНЦЕРТЪ А. И. КАНШИНА

30-го января въ залѣ Русской консерваторіи состоялся концертъ баса Миланской оперы «Ла Скала» Алексѣя Михайловича Каншина, съ участіемъ піанистки Татьяны Козловской.

А. М. Каншинъ пріобрѣлъ большую известность еще въ Россіи, гдѣ онъ выступалъ, какъ солистъ петербургской Музыкальной драмы и тифлисской оперы.

Въ эмиграціи, какъ пѣвецъ, обладающій большимъ красивымъ голосомъ и прекрасной школой, онъ быстро выдвинулся и получилъ ангажементъ въ миланскую «Ла Скала», гдѣ пользовался исключительнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время онъ является однимъ изъ лучшихъ исполнителей произведеній русскаго музыкальнаго творчества.



Госуд. руков. латв. спорта мин. общественныхъ дѣлъ г. А. Берзинь вмѣстѣ съ побѣдителями конькобѣжныхъ состязаній въ Ригѣ: чемпиономъ Европы А. Берзинемъ и норвежцемъ Матисеномъ.

Въ отчетномъ концертѣ А. М. Каншинъ исполнилъ рядъ произведеній на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Особенно удалось пѣвцу вещи русскихъ композиторовъ, какъ-то: арія Шаляпина, изъ оперы «Хованщина» Мусоргскаго, «Ла тампетъ грондъ», Н. Черепнина, «Монъ пенъ», Гречанинова.

Піанистка Т. Козловская блестяще исполнила два произведенія Листа и Карнаваль ор. 9 Шумана. Карнаваль особенно удался артисткѣ, гдѣ она показала, наряду съ прекрасной техникой, талантливую интерпретацию.

А. М. Каншину отлично аккомпанировала французская піанистка г-жа Анри Гарденъ.

Залъ былъ переполненъ и концертъ имѣлъ большой и заслуженный успѣхъ у публики.

ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НЬЮ - ЙОРКѢ

Весною с. г. открывается въ Нью - Йоркѣ выставка, обѣщающая, по своей грандіозности затмить всѣ предшествующія и предста-

вить посѣтителямъ цѣлый рядъ неожиданныхъ, крайне интересныхъ и важныхъ изобрѣтеній, усовершенствованій и новостей во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства и техники. Неисчислимо количество новыхъ техническихъ завоеваній дастъ всякому интеллигентному человѣку полную возможность почерпнуть массу интереснаго, освѣжить и пополнить запасъ своихъ знаній. Особо важное значеніе выставка эта будетъ имѣть, конечно, для всякаго учащагося.

«Сіентификъ Туризмъ» Интернаціональ Студентъ Ассоціаціонъ С. Т. I. С. А. представляетъ небогатымъ ученикамъ, студентамъ (-камъ) и ихъ родителямъ возможность посѣщенія этой выставки съ пребываніемъ въ Нью - Йоркѣ отъ 8 до 12 дней на полномъ издѣвленіи, по исключительно низкой расцѣнкѣ. Запись въ группы и всѣ справки срочно высылаются почтою указаннымъ выше Обществомъ — 42, рю Паскье (бюро 209) Парижъ (8), Франсъ.

Совѣтскій юморъ

О ручныхъ звѣряхъ и охотѣ



ВЪ СОВѢТСКОМЪ
МѢХОВОМЪ МАГАЗИНѢ

— Смотри, наша мама себя за выдру вы-
даетъ.



— Не то обидно, что охотникъ въ меня по-
палъ. Обидно другое: вѣдь, онъ, навѣрняка,
скажетъ, что убилъ, минимумъ, 30 зайцевъ.



— Не извольте беспокоиться. Ефимъ Пе-
тровичъ, бѣлка-съ привязана.



Заяцъ: — Дроби нѣтъ?
Продавецъ: — Нѣтъ.
Заяцъ: — Очень хорошо.

Плохая слышимость

Изъ Москвы, изъ треста, звонятъ въ Эискъ,
на заводъ:

— Аallo! Эискъ? Говорятъ изъ Москвы.
Вы меня хорошо слышите?

— Хорошо. Кто говоритъ?

— Дудиковъ. Изъ треста.

— Здравствуйте, товарищъ Дудиковъ. Это
я. Кукушкинъ.

— Доброго здоровья, товарищъ Кукуш-
кинъ. Какъ живете?

— Лучше всѣхъ. Что новаго?

— Федоръ Ульянычъ интересуется, почему
вы планъ не выполняете.

— Что не выполняемъ?

— Планъ!

— Плохо слышу. Какъ вы сказали, това-
рищъ Дудиковъ?

— Планъ!

— Шлангъ? Какой шлангъ?

— Слушайте внимательно: не шлангъ, а
планъ.

— Ничего не разбираю. Навѣрное сильные
разряды въ воздухѣ. Плохо слышно.

— А я васъ хорошо слышу. Почему планъ
не выполняете? Слышите?

— Ни одного слова... Наказаніе съ телефо-
номъ!

— Говорю по буквамъ. Первая буква —
Платонъ.

— Понялъ: Антонъ. Да?

— Не Антонъ, а Пла-тонъ. Пла-тонъ... Пла!
Пла!... Ну, ладно. Я вамъ пришлю письмен-
ный запросъ. Еще Федоръ Ульянычъ инте-
ресуется, почему въ вашей анкетѣ... Поняли?
Въ анкетѣ...

— Что такое?

— Скажу по буквамъ: Анна, Николай...

— Слышу безъ Анны и Николая. Что такое
въ моей анкетѣ?

— Будто въ вашей анкетѣ, товарищъ Ку-
кушкинъ, имѣются кое-какія противорѣчія.
Противорѣчія! Слышите?

— Слышу. Но ничего подобнаго. Это —
недоразумѣніе. Въ чемъ дѣло?

— Въ одномъ мѣстѣ у васъ сказано, что
вы не были подъ судомъ, а въ другомъ...

— Чепуха! Я пришлю объясненія. Это кто-
то напуталъ.

— Вполнѣ допускаю. Кромѣ того, Федоръ
Ульянычъ спрашиваетъ, почему вы не бо-
ретесь съ прогулами.

— Что? Съ чѣмъ?

— Съ прогулами!

— Ничего не слышу. Опять этотъ прокля-
тый телефонъ! Скажите по буквамъ.

— Первая буква — Платонъ.

— Опять Антонъ?

— Не Антонъ, а Платонъ! Ну, ладно! При-
шлю письменный запросъ. Тѣмъ болѣе, что
Федоръ Ульянычъ спрашивалъ насчетъ со-
ціального происхожденія.

— Моего происхожденія? А что такое?

— По телефону не смогу все сказать. Пло-
хая слышимость.

— Говорите. Я теперь хорошо слышу. У
меня замѣчательное социальное происхожде-
ніе. Отецъ — почти слесарь.

— Рѣчь идетъ не о васъ. Это о социаль-
номъ происхожденіи Кубикова, котораго вы
рекомендовали на работу. Онъ оказался про-
хвостомъ.

— Чѣмъ?

— Прохвостомъ!

— Ничего не слышу. Опять разряды въ
воздухѣ.

— Прохвостомъ! Скажу по буквамъ. Пер-
вая буква — Платонъ.

— Ахъ, Антонъ! Понялъ.

— Не Антонъ, а Платонъ. Ну, ладно. При-
шлю письменный запросъ. Пока!

— Что?

— Пока! Скажу по буквамъ: Платонъ...

— Слышу: Платонъ, Ольга, Кирилъ, Ан-
на! Пока!

(«Крокодилъ»).

Г. Рыклигъ.



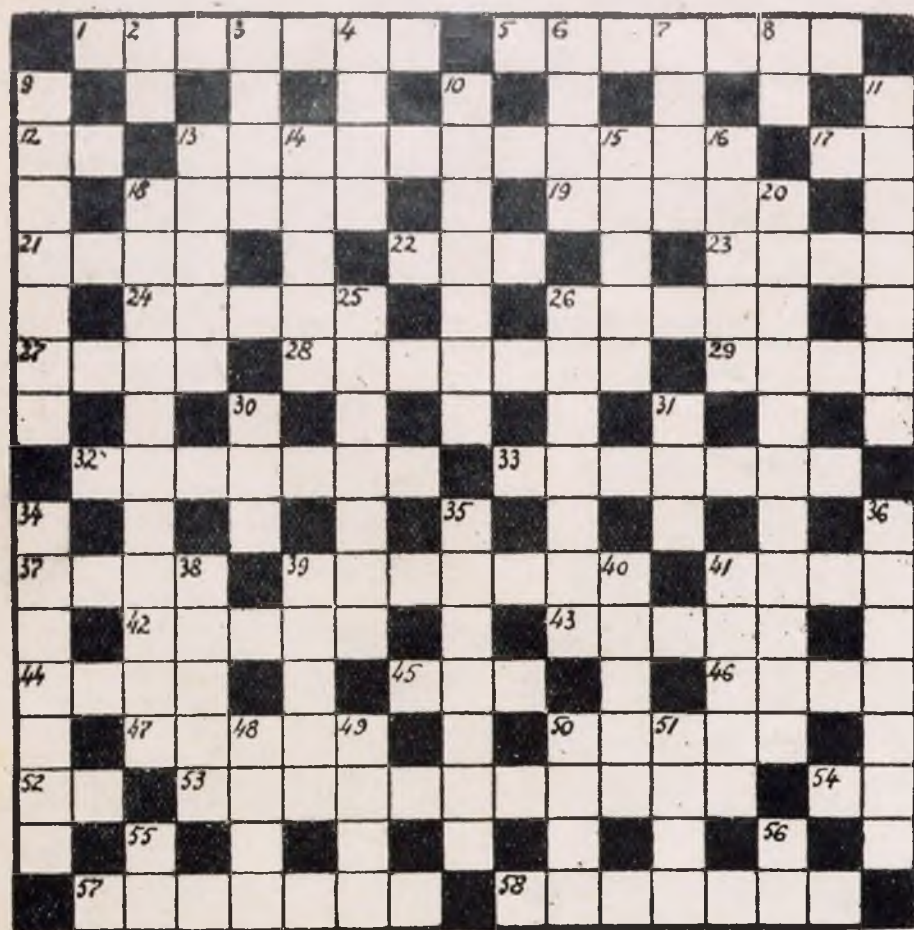
МАСШТАБЫ

— Какой огромный городъ Москва!

— Еще бы, городское письмо за нѣсколько
ко дней дойти не можетъ.

КРЕСТОСЛОВИЦЫ

ЗАДАЧА № 720.



Горизонтально:

1. Русский художник, очень любимый Чеховым; 5. Одно изъ веселья на ладѣ; 13. Необходимая часть снаряженія воина въ старину; 17. Знаменитый французскій бактериологъ; 18. Мѣстность «весьма отдаленная», по дореволюціонной русской административной терминологіи; 19. Растеніе, которымъ особенно богата Ривьера; 21. Рѣка въ Европѣ; 22. Эпидемія; 23. Имъ были, напримѣръ, герои Куликовской битвы Пересвѣтъ и Олябъ; 24. Въ совѣтской Россіи онъ считается гражданскою доблестью, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ отношеніе къ нему иное; 26. Инструментъ, ставшій эмблемой труда; 27. Сказочный персонажъ; 28. Пирожокъ изъ русской сказки, про который сложена дѣтская пѣсенка; 29. Иначе говоря—характеръ; 32. Одинъ изъ героевъ «Разказа о семи повѣщенныхъ» Андреева; 33. Геронія русской пасторали; 37. Послѣдній «домъ» человѣка; 39. Изъ нея образовалось казачество; 41. Часть холоднаго оружія; 42. Городъ въ Италіи; 43. Уменьшительное женское имя, давшее названіе цвѣтку; 44. Рѣчные жители; 45. Гоголевское чудовище; 46. Орудіе производства многочисленныхъ русскихъ эмигрантовъ; 47. Названіе этого минерала примѣнялось въ старину къ жестокому человѣку; 50. Главная мебель

въ больницѣ; 52. Нота; 53. Маленькая звонница; 54. Животное; 57. Городъ въ Россіи; 58. Даетъ мудрость и опытъ, но весьма приближаетъ къ смерти.

Вертикально:

2. Дерево; 3. Русский князь, погибшій ужасной смертью; 4. Основа всякаго вещества; 6. Мѣстоименіе; 7. Ритуальный хлѣбъ; 8. Нота; 9. Мѣсто отбыванія самаго суроваго наказанія; 10. Одинъ изъ героевъ «Войны и мира»; 11. Русская публицистка; 13. Замѣняетъ мостъ черезъ рѣку; 14. Мѣсто торговли; 15. Человѣкъ, предпочитающій рискъ спокойному труду; 16. Главный герой будущей войны; 18. Русский чертенокъ; 20. Научное названіе людоедовъ; 25. Создатель одного изъ самыхъ знаменитыхъ храмовъ; 26. Настѣкомое, именемъ котораго называютъ ничтожныхъ и отвратительныхъ; 30. Рѣка, впадающая въ Средиземное море близъ Ниццы; 31. Уменьшительное женское имя; 34. Они снабжаютъ насъ салатомъ, огурцами и морковкой; 35. Нѣчто противоположное; 36. Прахъ; 38. Городъ въ Россіи; 39. Необходима для кулича; 40. Имя знаменитаго русскаго писателя, онъ же извѣстенъ въ русской литературѣ какъ «горемыка»; 41. Наука о нравственности; 48. Органы дыханія тѣла, однако, не легкія; 49. Определенное, соответствующее потребно-

сти количество; 50. Герцогство въ Англіи; 51. Сынъ перваго строителя летательнаго аппарата; 55. Рѣка въ Италіи и городъ во Франціи; 56. Главная героиня дня современности.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 719.

Горизонтально:

1. Пируэт; 6. Киргиз; 11. Оба; 12. Непал; 14. Ева; 15. Дока; 17. Рем; 18. Драп; 19. Нереть; 21. От; 23. Семенов; 25. Не; 26. Холоп; 28. Слоить; 30. Новочеркасск; 31. Цугом; 32. Агата; 34. А. Т. (Толстой); 35. Купчина; 38. От; 40. Клика; 42. Изот; 44. Эко; 45. Атом; 47. Царь; 48. Осина; 50. Она; 51. Алеуты; 52. Анилин.

Вертикально:

1. Подвох; 2. Ибо; 3. Рака; 4. Эн; 5. Терем; 6. Камень; 7. Ил; 8. Гера; 9. Ива; 10. Запрет; 13. Перебѣжчики; 19. Непомук; 20. Тоскана; 22. Тонуть; 23. Совок; 24. Влага; 25. Никто; 27. Лог; 29. Оса; 31. Царица; 33. Атаман; 36. Плесы; 37. Ивона; 39. Море; 41. Стол; 43. Зал; 46. Они; 48. От; 49. Ан.

Пыль прошлаго

ИЗЪ СТАРЫХЪ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ:

«С. Петербургскія Вѣдомости» 1798 года:

12 февраля.

Въ малой Коломнѣ въ дровяной улицѣ подъ ном. 55 у отъѣзжающей продаются дворовые люди: дѣвка 18 лѣтъ, которая умѣетъ шить цвѣтами, мужикъ 40 лѣтъ и женщина 35 лѣтъ, сынъ ихъ 14 лѣтъ, и дѣвка 16-ти.

Всѣ они очень смиренные и хорошаго поведения. Сѣрый попугай — кот. чисто говоритъ по-русски и поетъ.

2 марта.

Продаются привезенные сюда тульскіе, курскіе соловьи, синицы, учения, свистятъ полукурантами, скворцы, гуси арзамасскіе, жаворонки ученые. Спросить въ Чернышевомъ пер.

БУДИРУЮЩАЯ МОСКВА

Москва сыздавна была пріютомъ будирующихъ, фрондирующихъ, почитавшихъ себя «униженными и оскорбленными» сановниками, непризнанными государственными талантами, неиспользованными спасителями отечества и отвергнутыми совѣтчиками.

Вранье въ Москвѣ особое и въ немъ нехватки не было, а клевета была излюбленнымъ орудіемъ нападенія.

Екатерина рекомендовала московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому «не пропускать вракъ безъ изслѣдованія и не давать вракамъ и врялямъ большаго уваженія».

«Какъ нынѣ, на Москвѣ вранья безъ конца и безъ счету то если вы усмотрите, что врили не унимаются, прикажите вряля — другаго по изслѣдованіи, что врили, высѣчь плетью публично чрезъ полицію, сказавъ въ сентеціи, что то дѣлается для воздержанія врялей отъ вранья».

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА Врача М. А. КИРШЪ

Прививки предохран. и лечеб.; сѣро и электротер., ультра-фіолет. лучи, корот. волны. Впрыск. гормон. и кислород. Все-стор. уходъ и пансіонъ. Пріемъ 10-12, 14-17, суб. и воскр. и др. часы, по соглаш. 68, rue d'Auteuil. Paris (16°).

Tél. Jas. 71-17

ОБОЙЩИКЪ И ДЕКОРАТОРЪ

ВУАЛЕВЫЯ и пр. занавѣски. Шитье и повѣска. КРЕСЛА, диваны, нов. и обивка.

Кособрюховъ,

МАТРАЦЫ. МАТЕРІИ И ВУАЛЬ.

102, rue Erlanger (16-e). Tél.: Aut. 10-47.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г.

на самый большой русский ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, издающийся въ Парижѣ.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ“

(16-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

Въ 1939 году подписчики «Иллюстрированной России» получатъ

52

НОМЕРА (еженедельно) этого иллюстрированного журнала съ произведениями русскихъ и иностранныхъ авторовъ, разсказами, очерками, воспоминаниями, собственными репортажами, нарисками и обильнымъ фотографическимъ материаломъ изъ жизни Сов. Россіи и всего міра.

18

книгъ литературныхъ приложений библиотекы

„Иллюстрированной Россіи“

Книги приложений на 1939 г.:

7 кн. юбилейное издание собр. соч. М. Ю. Лермонтова

3 кн. полн. собр. соч. В. М. Гаршина

1 кн. „Ген. М. Д. Скобелевъ“ военная дѣятельность. Сост. Н. Н. Кирпичевъ.

7 книгъ

известныхъ французскихъ писателей. Избранные разсказы на русскомъ языкѣ. иллюстрированные известными французскими художниками

Эмиль Золя; Жанъ Ришпенъ; Эдуардъ Родъ; Поль Бурже; Просперъ Мериме; Жипъ и Марсель Прево

Условия подписки на 1939-ый годъ

Безъ приложений: 52 №№ журнала				Съ приложениями: 52 №№ журн. и 18 книгъ (Подписка Тинъ № 1)			
Франція и Колоніи	Европа	Всѣ европейскія страны Сѣв. Ам. и Дал. Востокъ	Польша	Франція и Колоніи	Европа	Всѣ европейскія страны Сѣв. Ам. и Дал. Востокъ	Польша
Франки	Доллары, или ихъ эквивалентъ	Злоты	Злоты	Франки	Доллары, или ихъ эквивалентъ	Злоты	Злоты
12 мѣс.	190	7 дол.	9 дол.	36	12 мѣс.	310	11 дол. 13 дол. 57

для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка:

ПРИ подпискѣ и съ 1 марта 10 мѣс. по ...	40	2	4	Ежемесячно по 3 зл.	ПРИ подпискѣ и съ 1 марта 10 мѣс. по ...	60	3,5	5,5	Ежемесячно по 4,75 зл.
	15	0,5	0,5			25	0,75	0,75	

Внесшие искл. плату сразу впередъ за годъ, получаютъ немедленно особую премию — 1 книгу

Внесшие искл. плату сразу впередъ за годъ, получаютъ немедленно особую премию — 2 книги

Въ странахъ, въ которыхъ затрудненъ переводъ денегъ во Францію, подписную плату Вы можете вносить въ мѣстной валютѣ, по общ. курсу на наши счета въ Вашей же странѣ (См. далѣе подробности).

Изъ Венгрии, Бельгии, Германии, Голландіи, Дании, Люксембурга, Італіи, Латвіи, Лигіи, Норвегии, Румынии, Швеции, Швейцарии, Финляндіи, Эстоніи, Чехословакіи, вслѣдствіе конвенціи, Вы можете подписаться на журналъ безъ приложений у Васъ на почтѣ — въ отдѣлѣ подписокъ на иностр. журналы — по значительно удешевленной цѣлѣ, согласно международной почтовой конвенціи.

Условия подписки на журналъ съ приложениями въ вышеуказ. странахъ, въ мѣстной валютѣ по общ. курсу, смотрите далѣе.

Почтовый ящикъ

Донская казачка, дочь генерала, интересная, высокая, голубоглазая, брюнетка, 27 л., оторванная отъ русскаго общества и семьи, желаетъ вести переписку съ интеллигентнымъ, образованнымъ, пріятной наружности русскимъ, которому тоже надоѣло одиночество. Живу въ Польшѣ, могу уѣхать за границу.

880

ИВАНОВА Петра Георгиевича разыскиваетъ Лидія Владимировна ИВАНОВА. Личн. могущихъ сообщить какія либо свѣдѣнія, просить таковыя адресовать:

M-me IVANOF, Librairie «ZNANIE», Istikal Cad, 388, Beyoglou, ISTANBUL (Turquie).

881

CONTREMAITRE въ провинціи, 41 годъ, хотѣлъ бы найти подругу жизни, интел., не низкаго роста. Желательна фотографія. Пис.: Monsieur Pierre Micoud, chaussures, Le Grand Lemps (Isère) кот. передать.

Илья Ивановичъ ОЦЕЛЪ проситъ знакомыхъ писать ему по адресу:

Ilie Otzel, com. Badiceni, jud. Soroca of Zgurita (Romania).

Симпатичная дѣвушка ищетъ дружеской переписки съ господиномъ, не моложе 35 и не старше 43 лѣтъ.

878

Молодой человѣкъ, русскій, желаетъ познакомиться съ русской барышней (желательно парикмахершей). Цѣль — бракъ. Желательно получить фотографію, которая будетъ возвращена.

879

Интеллигентный одинокій русскій, безпеченный постоянной приличной службой, желаетъ вступить въ переписку съ серьезной цѣлью съ русской дѣвушкой, интересной, вполне интеллигентной, серьезной, желательна изъ семьи. Желательна фотографія. Мѣсто жительства особой роли можетъ не играть.

876

Русская, французско - подданная, молодая вдова, матеріально обеспеченная, желаетъ переписываться съ русскимъ.

877

Для моей скромной и нетребовательной племянницы 30 лѣтъ, лицу такого же человѣка, не старше 40 лѣтъ. Национальность безразлична. Фотографія обязательна.

875

Ваши НЕРВЫ и СИЛЫ

ВОЗСТАНОВИТЬ KALEFLUID.

Всѣмъ высылаемъ бесплатно подробное описаніе лѣченія КАЛЕФЛЮИДОМЪ съ отзывами г. г. врачей и многочислен. выздоровѣвшихъ.

КАЛЕФЛЮИДЪ удостоенъ 5 зол. медалей въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Римѣ и Флоренціи. КАЛЕФЛЮИДЪ продается въ больш. аптекахъ, а гдѣ нѣтъ, пишите намъ: Laboratoire E. KALEFLUID, 66, Boulevard Exelmans, PARIS (16°).

Въ Бѣлградѣ: Marcovitch, Masarikova, 9. Въ Бухарестѣ: Tatarsky, Str. Sf. Apostoli 21.

Профессоръ

Е. М. Вайнштейнъ

АКУШЕР. и ЖЕНСК. БОЛ. (ХИРУРГ.), 4, SQUARE THIERS (уг. 155, av. Victor-Hugo), Passy 80-80.

Пріемъ отъ 5 до 7 ч. и по соглашенію.

Клиника для роженицъ

Напротивъ парка Buttes Chaumont.

Пріемъ отъ 1-3 и отъ 6-8 час. вечера.

САМ. ВЫГ. УСЛОВІЯ. Assur. яс.

6, rue de l'Atlas, Métro Belleville. Tél.: Nord 46-65.

Д-ръ медіц. Тн. MINC

ВНУТРЕН. и СЕРДЕЧН. БОЛѢЗНИ Assurance Sociale.

11, Place de la Porte-Champerret (17°) Sur rendez-vous, Etoile 20-21.

ALLIANCE FRANÇAISE

101, Bd Raspail, Paris (6°) Lit. 18-13

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.

Курсы съ ограниченнымъ колич. ученик.

Запись во всякое время.

Безплатные вечерніе курсы отъ 18 ч. 30 мин. до 19 ч. 30 м. по средамъ и пятн.

Прис. Пов. П. С. Ширскій

Консультаціи, бухгалтерія, налоги.

5, rue Barye (17°). Tél. Carnot 31-94

Métro Courcelles. отъ 6 - 7 час. веч.

Подписку на журналъ «ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ» въ Польшѣ

Принимаетъ генеральный представитель

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОБРО»

KRAKOWSKIE Prz. 53, Warszawa.

TEL. 226.84.

Подписную плату можно вносить на почтовый счетъ Р. К. О. № 9668.

„T O R G S N A B”

(A. Godovannikoff)

26, rue Vivienne, Paris, 2^e.

Tél. Gut. 46-80, 46-81

Cen.: 92-86, 92-87

ПОСЫЛКИ ВЪ U. R. S. S.

По исключительно дашевымъ цѣнамъ
Только до 15 марта 1939 года

(съ 15-го марта повышение 10 - 20%)

Англійскіе отрѣзы

		На мужск. костюмъ	На мужск. пальто
Стандартъ	А . . .	300 фр.	350 фр.
Стандартъ	В . . .	350 фр.	400 фр.
Стандартъ	С . . .	400 фр.	450 фр.
Стандартъ	Д . . .	450 фр.	500 фр.
ЦѢНЫ включая абсолютно ВСѢ РАСХОДЫ			

При доплатѣ 175 фр. добавляется къ любому стандарту
1 пара мужской или дамской обуви
и 1 пара носковъ или 1 п. чулокъ в. к.

КЪ СТАНДАРТАМЪ можно добавлять ПРОДУКТЫ:

(ничего абсолютно не доплачивая за отправку).

ЦѢНЫ, включая абсолютно всѣ расходы:

	500 гр.	500 гр.	500 гр.
Какао В. Г. — — — —	50. — фр.	Кофе 50. — фр.	Чай 80. — фр.
Шоколадъ — — — —	50. — фр.	Сахаръ 9. — фр.	Рисъ 9. — фр.

Отправка любыхъ новыхъ и ношенныхъ вещей, принесенныхъ самими отправителями.

Національная Потерея

ЦѢЛЫЕ БИЛЕТЫ, 1/2, 1/4, 1/10 и 1/20 БИЛ.